

Мой падший ангел

18+

Анисимова В.В.

Вера Анисимова

Мой падший ангел

<https://litres.ru/74667593>

SelfPub; 2026

Аннотация

Девушка, мечтающая о счастливой семье, однажды встречает падшего ангела. Жизнь и ее мировоззрение меняются. Ее затягивает в проблемы мира, о реальности которого она раньше и не подозревала.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Вера Анисимова

Мой падший ангел

Глава

Выбирая всю жизнь,
Между добром и злом
Можно остаться,
Ровно посередине.

Глава 1

Эта история началась задолго до их первой встречи — в тех тихих, почти беззвучных днях, когда будущее казалось размытым пятном на горизонте, а прошлое тянуло назад холодными пальцами. Ника была доброй девочкой, насколько это возможно в её ситуации, когда каждый день приходится собирать себя по кусочкам после очередной семейной грозы. Как любая девочка, она мечтала о большой и чистой любви — один раз и на всю жизнь, такой, чтобы можно было спрятаться в ней, как в тёплом пледе в морозную ночь. Не думая о последствиях, она шла напролом, пытаясь воплотить свою мечту в реальность, словно бежала навстречу солнцу с закрытыми глазами, веря, что свет не обожжёт.

В пятнадцатилетнем возрасте Ника встретила свою первую любовь. Весна в тот год выдалась капризной: то лила ледяная морось, то вдруг щедро разливала по улицам золотистый свет, будто сама природа не могла решить, плакать ей или смеяться. Именно в один из таких дней, когда воздух был пропитан запахом влажной земли и надежды, она увидела Андрея.

Будучи подростком и смотря на мир через «розовые очки», её захлестнул бурный роман. Андрей казался ей идеалом — высокий, стройный шатен с зелёными глазами, в которых отражался тихий, спокойный мир, о котором она так мечтала. Он был ровесником Ники, но, несмотря на свой юный возраст, был довольно рассудительным человеком — словно жизнь успела шепнуть ему несколько важных секретов раньше времени. Никогда не ввязывался в неприятности, предпочитал больше времени проводить дома: что-то ремонтировать, помогать матери, которая растила его в одиночку. В его движениях чувствовалась бережность — он будто боялся случайно разбить этот хрупкий мир вокруг себя.

Этот роман для Ники был словно глоток свежего воздуха, шанс хоть ненадолго забыть о домашних проблемах. В его присутствии стихали громкие голоса прошлого, а тени, что крались по углам её комнаты, отступали в темноту. Рядом с Андреем ей казалось, что даже самые острые углы жизни можно сгладить одним только взглядом, одним словом, одной улыбкой.

Всё детство Ника была предоставлена самой себе — словно забытая игрушка в углу комнаты, которую достают лишь тогда, когда становится совсем одиноко. Мать устраивала свою личную жизнь, будто пыталась залатать огромную дыру в груди новыми знакомствами, но каждый шов расходился, и всё снова расползлось по швам. Временами жизнь налаживалась — как будто кто-то на минуту приглушал бурю за окном, и в доме воцарялась обманчивая тишина. Но, как правило, ненадолго: мать снова пускалась во все тяжкие, и дом превращался в шумный, хаотичный перекрёсток чужих судеб. В комнатах появлялись разные люди, компании, сливающиеся в один размытый, безликий поток. Были разные дядьки — Ника даже не запоминала их имён, да и не хотела: они были для неё не людьми, а тенями, мелькающими в коридоре, оставляющими после себя запах дешёвого одеколона и ощущение неловкости, от которого хотелось спрятаться под одеяло.

К одиннадцати годам, уже и не надеясь на спокойную жизнь, Ника привыкла ждать подвоха даже в тишине. И вдруг, словно в награду за все эти бессонные ночи, дома появился дядя Миша. Он был добрым и заботливым — таким, каким, наверное, и должен быть взрослый человек: спокойным, надёжным, с руками, которые умели не только чинить,

но и обнимать. Дом стал полной чашей — в нём снова запахло хлебом, уютом и тихими вечерами, когда можно было просто сидеть на кухне и слушать, как за окном шуршит дождь. Михаил относился к Веронике как к дочери — не по обязанности, а по сердцу. На её двенадцатый день рождения он подарил ей телефон. Ника была рада подарку до слёз — она давно мечтала о телефоне, ведь у всех одноклассников они давно были, и каждый раз, когда ребята доставали свои гаджеты, она чувствовала себя чужой на этом празднике жизни. Теперь и у Ники он появился — маленький кусочек «нормальности», который можно было держать в руках и чувствовать: она тоже часть этого мира.

Спустя несколько лет счастливая семья распалась. Вероника слёзно пыталась добиться ответа от мамы: «Почему так получилось?» На что мама отвечала отговорками: «Так вышло». Вероника изо всех сил протестовала, не могла понять: «Как так вышло? Что вышло? Где вышло?» Слова матери были пустыми, как эхо в пустой комнате, и от этого становилось только больнее. Из-за опрометчивого поступка матери всё вернулось: попойки, куча незнакомых людей, снова этот хаос, который Ника так ненавидела.

Ника часами гуляла по городу, не желая возвращаться домой. Она бродила по улицам, любуясь деревьями — этими могучими великанами, которые устремлялись ввысь, будто хотели вырваться из тесных рамок городского пейзажа. Казалось, что они достают до неба — голубого, бескрайне-

го, такого далёкого и в то же время бесконечно близкого. В небольшом городке, где жила Ника, не было особо красивых мест или прекрасных парков — лишь серые дворы, потрёпанные скамейки и редкие клумбы, которые кто-то пытался оживить. Но на окраине города был небольшой лесок. Он отличался от обычных лесов своим странным видом: почти ровной прямоугольной формы, в длину метров двадцать пять, в ширину не больше десяти, он был поделён пополам тропинкой около метра. Этот лесок был словно кусочек дикой природы, случайно затесавшийся в мир асфальта и бетона.

Ника любила приходить туда. Людей там не бывало, и, дойдя до середины, она останавливалась. Присаживаясь на траву летом и просто прогуливаясь вперёд-назад зимой, она могла находиться там часами. Шелест деревьев, чириканье птиц навивали спокойствие и умиротворение, давая время подумать и уйти от реальности, хотя бы на время спрятать свои страхи в тени ветвей. Когда ноги начинали ныть от усталости, Ника возвращалась домой. В один из таких вечеров, когда солнце уже садилось, окрашивая небо в мягкие розовые и лиловые оттенки, она подняла голову к небу и прошептала: «Я хочу, чтоб больше не было незнакомых людей в нашем доме». Её голос растворился в вечернем воздухе, смешавшись с шелестом листвы и далёким гулом города.

Придя домой, Ника не поверила своим глазам: дома была тишина и порядок. Ни громких голосов, ни смеха, ни звона

посуды — только спокойный полумрак и запах свежего воздуха, будто кто-то открыл все окна и выпустил наружу весь накопившийся хаос.

Прошло пару месяцев, и на пороге квартиры появился новый ухажёр матери. Дядя Лёша произвёл впечатление доброго, хорошего и душевного человека — улыбался тепло, говорил мягко, смотрел прямо, будто хотел показать: «Я здесь, чтобы всё стало лучше». Как жаль, что это была всего лишь маска, тонкая плёнка, которая быстро треснула, обнажив уродливую правду. Через какое-то время он показал своё истинное лицо: чувствовал себя «королём», а мать и дочь ему обязаны. «Приносите еду на диван, тапочки чуть ли не в зубах» — его требования звучали как приказы, от которых кровь стыла в жилах. Если что-то происходило не по его воле, начинался скандал, плавно перетекающий в драку. Жизнь стала похожа на «хождение по лезвию ножа»: казалось, что ещё чуть-чуть — и всё закончится, один неверный шаг, и ты сорвёшься в бездну. Жить не хотелось вообще — только спрятаться, исчезнуть, стать невидимкой.

Один раз Ника отказалась принести ему чай, сославшись на уроки. Его глаза налились кровью, и в эту секунду мир сжался до одной точки — до его искажённого гневом лица. Без лишних слов он взял её за горло и потащил на диван. С силой вдавив Нику в диван, Алексей стал душить её. Вероника не стала сопротивляться — не было смысла, он всё равно сильнее. В глазах всё поплыло, перед внутренним взо-

ром пронеслись обрывки воспоминаний: тихий голос дяди Миши, шелест листьев в её любимом лесочке, смех одноклассников... Поняв, что она умирает, ей было страшно, но в то же время Ника чувствовала странное облегчение: наконец-то всё закончилось, вся эта адская жизнь, полная страха и одиночества. С этой мыслью Ника погрузилась в темноту, и мир исчез, оставив после себя только тишину.

Придя в себя, она не сразу поняла, где находится. Ника лежала на своей кровати. Сердце бешено колотилось, в ушах стоял гул, похожий на отдалённый прибой. Она знала только одно: если она выжила, то должна, нет, даже обязана стать сильной — не для кого-то, а для себя, чтобы больше никогда не чувствовать себя беспомощной игрушкой в чужих руках. Из рассказа матери она узнала, что, когда потеряла сознание, Алексей, держа её за горло, принёс в комнату и бросил на кровать со словами: «Быстро легла спать». На часах было всего шесть часов вечера — день ещё не закончился, но для Ники он уже стал прошлым, страницей, которую хотелось вырвать и сжечь.

Мать не говорила ни слова, молча наблюдала за происходящим, потому что боялась его — этот страх был густым, осязаемым, он висел в воздухе, как тяжёлый дым.

«Принесла бы чай, всего этого не было бы. Ты ведь знаешь, какой он взрывной», — добавила мать в конце рассказа. Её слова прозвучали не как извинение, а как приговор, окончательно лишаящий Нику последней надежды на то,

что кто-то её защитит.

Шли дни... Всё было по-прежнему, словно время застыло в этой квартире, лишённой света. Лёша нигде не работал, ничего не делал,пил, смотрел телевизор, лежал на диване — это были все его занятия изо дня в день, и каждое утро повторялось с тупой, безжалостной точностью, как заевшая пластинка. Ника понимала, что надо этому положить конец. Но даже мать ей не сможет помочь. Он не боялся никого — ни людей, ни последствий, ни собственного отражения в зеркале, которое с каждым месяцем становилось всё более одутловатым и мутным. Бабушка пыталась его вразумить, но Алексей и на восьмидесятилетнюю старушку кидался с кулаками, и его рука поднималась так же легко, как поднимают пустой стакан. Казалось, что они видели уже всё, на что он способен, но, увы, они ошибались — у жестокости не бывает дна, она лишь меняет обличья, с каждым разом находя всё более изощрённые формы.

В один прекрасный летний, солнечный день Ника сидела на подоконнике у открытого окна, смотрела вдаль, погрузившись в девичьи мечты. Город внизу жил своей обычной жизнью: где-то стучала мячом о асфальт детвора, где-то лениво переговаривались соседки на скамейке, а над крышами домов медленно плыли облака — белые, пушистые, похожие

на комочки ваты, будто сама природа старалась напомнить: в мире есть тишина и свет. Ника подставила лицо тёплому ветру и на мгновение почувствовала себя свободной, как те облака.

Резко распахнулась дверь — с таким грохотом, будто кто-то хотел вырвать её вместе с петлями. На пороге стоял дядя Лёша, его лицо было багровое от злости, он был похож на «разъяренного на корриде быка»: вены вздулись на шее, глаза блестели мутным, нездоровым блеском, а изо рта тянулся кислый, удушливый запах перегара. Почувяв неладное, Ника быстро спрыгнула с подоконника. Оказалось, после весёлой попойки с одной из местных пьянчужек Алексей пришёл её воспитывать. Он в два шага приблизился к Веронике и, схватив её за предплечье, начал орать и пытаться выпихнуть её в окно. Его пальцы впились в кожу, как клещи, оставляя на руке белые следы, которые потом налились багровым. Из бессвязной речи Ника поняла, что ему поведали, как она жила раньше. В красочных подробностях рассказали про её личную жизнь, которой на самом деле ещё не было, так как она тайком ещё играла в куклы и даже не думала о мальчиках — её мир всё ещё пах детством, пусть и надломленным, пусть и преждевременно повзрослевшим. Но объяснить пьяному это было невозможно — его разум давно растворился в алкогольном тумане, и каждое слово Ники отскакивало от него, как горох от стены.

Она просто стояла, молча и в который раз прощалась с

жизнью. Он с такой силой пытался выпихнуть её в окно, что для Ники это была просто пытка. Будучи очень худенькой девочкой, от сильного нажима она бедренной костью зацепилась за край подоконника. Из-за этого он никак не мог её вытолкнуть, а ей казалось, что она сейчас порвётся на две части — тело вопило от боли, а где-то в глубине сознания тихо, почти равнодушно звучало: «Опять». Алексей понял, что не получается, резко потянул её к себе, со злостью пнул по ноге и швырнул на диван. Молча, развернулся и ушёл, словно ничего не случилось, словно и не было перед ним живого человека — так отмахиваются от надоедливой мухи.

Ника сидела и плакала. Слезы катились по щекам горячими, злыми дорожками, падая на колени, которые всё ещё горели от удара. Мыслей в голове было много, они теснились, наталкиваясь друг на друга, но самые важные были две: «Хоть бы кто-нибудь ему тоже сделал больно хоть раз» — и вторая, ещё горше: «Мама была дома, но как всегда молча наблюдала со стороны». Иногда складывалось впечатление, что она ждёт, когда он убьёт Нику, его посадят, а она продолжит спокойно жить. Эта мысль была холодной, как ледяной осколок в груди, и от неё болело сильнее, чем от синяков.

Ника плакала не столько от боли, сколько от обиды. Ей было непонятно, почему мама позволила ему с ними жить. Почему она не заступается за свою дочь? Ведь даже у зверей мать защищает своих детей до последнего вздоха — волчица бросится на охотника, медведица растерзает любого, кто

подойдёт к её детёнышу. Так почему в этой семье не так? Почему у Ники не детство, а выживание? Выплакав последние слёзы — они закончились, как заканчивается вода в пересохшем колодце, — Ника решила, что не имеет права быть слабой. Пора становиться сильной. Ради себя.

Спустя пару дней Алексей пришёл домой сильно избитый — лицо разбито, одежда в грязи, еле держался на ногах, пошатываясь, как сломанная кукла. Два месяца он не мог прийти в себя. С кровати почти не поднимался из-за сильного сотрясения мозга, и в эти недели в доме впервые за долгое время воцарилась относительная тишина — странная, осторожная, словно все затаили дыхание. Однако когда он начал выздоравливать, снова стала проявляться его деспотичность: сначала в голосе — стал грубее, требовательнее, потом в взгляде — снова заблестел тот нездоровый, хищный огонёк. Надо брать ситуацию в свои руки.

Она собралась и пошла гулять. Бродя по улицам, она «собирала мысли в кучу», обдумывала, что можно сделать в этой ситуации. Сам он никогда не уйдёт, мама его не выгонит — она его слишком боится, этот страх въелся в неё, как запах сигарет въедается в обои: ничем не вывести. У Ники был друг, с которым можно поделиться и попросить совета. Она позвонила и договорилась о встрече.

В ожидании Ника сидела на лавочке в небольшом дворике и наблюдала, как играют дети. Такие счастливые, беззаботные — они бегали, смеялись, падали и снова вставали, и в

их смехе не было ни тени страха, ни грамма того тяжёлого, давящего знания, что жизнь может быть жестокой. Она тоже хотела такое детство, и немного с завистью смотрела, как мамы хлопочут над детьми, как наседки — поправляют шапочки, вытирают носы, обнимают, целуют в макушки. Был тёплый летний день, и солнышко играло между деревьями, разбрасывая по земле золотистые монетки света. Лёгкий ветерок развеивал её волосы, насыщенного шоколадного цвета — они скользили по плечам шёлковыми прядями, и Ника, будучи худенькой девчонкой, очень любила солнце и его тепло: оно было единственным, что грело её по-настоящему, без подвоха, без условий, просто так.

Её размышления прервал Сергей. Они поздоровались, она обрисовала проблему. Сергей задумался на какое-то время — сидел, опустив голову, теребя травинку в пальцах, и по его лицу пробегали тени, словно он просчитывал что-то про себя. Потом выдал с серьёзным видом: «Давай найдём киллера». От удивления у Ники расширились глаза — она даже забыла, о чём только что думала.

— Какого киллера? — затараторила Ника. — Где мы два подростка его найдём? Даже если на секундочку представить, что мы его нашли, чем мы будем платить?

— Я поговорю с братом, — невозмутимо ответил Сергей. — Он у меня не последний человек в этом городе.

— Ну-ну, — ехидно парировала Ника, но в её голосе прозвенела нотка чего-то, похожего на надежду, и это её самую

напугало.

Они немного погуляли, болтая о пустяках, Ника смеялась — впервые за долгое время по-настоящему, звонко, без натуги. Сергей понимал её, как никто другой. Ей было легко с ним, лучше друга и представить сложно. Он всегда был рядом, когда это необходимо, поддерживал во всём и понимал — без лишних слов, без дежурных утешений, просто своим присутствием говоря: «Я здесь, ты не одна». Весь её мир заключался в одном-единственном человеке: он был другом, братом, жилеткой в трудные минуты и тем, кто разделит радость и будет горд в её достижениях.

Зайдя в квартиру, она быстро разулась и прошла к себе в комнату. Вспоминая разговор, убеждала себя: «Может, это и не плохая идея». Ника, всегда находясь в одиночестве, чувствовала, что рядом кто-то есть — едва уловимое, тёплое присутствие где-то на грани восприятия, словно кто-то невидимый стоял за её спиной и бережно касался плеча. Но сейчас, думая о таких страшных вещах, это незримое присутствие ощущалось сильнее — почти осязаемо, будто воздух вокруг загустел и стал тяжёлым. Как бы оправдываясь, она прошептала:

— Я знаю, это плохо. Но я хочу этого. Хочу освободиться от тирана и жить спокойно.

Её голос дрогнул, но не от страха — от усталости. Усталости быть жертвой в собственной жизни.

Спустя месяц позвонил Сергей — его голос был возбуждённым, торопливым, слова натыкались друг на друга, как подростки на перемене. Он сказал, что надо срочно встретиться. Дома никого не было, и Ника со спокойной душой могла идти гулять: пустая квартира в этот редкий момент не давила, а словно отпускала её на волю, как птицу из клетки. Она быстро собралась и побежала, перешагивая через ступени, не дожидаясь лифта, — внутри ёкало что-то тревожное и одновременно жадное до перемен.

Сергей назначил встречу в парке. Идя по парку, Ника разглядывала деревья: начало осени — удивительное время. Солнце греет уже не так сильно, его свет стал мягче, рассыпчатее, будто кто-то убавил яркость в огромном небесном окне. На деревьях появляются первые жёлтые листочки — робкие, единичные, словно разведчики, отправленные вперёд основной армии золотой осени. Стало чуть прохладнее, и воздух пах иначе: не летним зноем и пылью, а чем-то свежим, чуть горьковатым — терпким ароматом увядающей зелени и сырой земли. Но множество красок природы поднимает настроение: где-то ещё держался изумрудный зелёный, где-то уже проклюнулся жидкий золотой, а кое-где робко мерцал первый багряный мазок — будто художник небрежно провёл кистью по холсту, ещё не решившись на смелый замах.

Сергей шёл ей навстречу и как-то странно улыбался — не своей обычной, тёплой улыбкой, а какой-то новой, незнакомой, в которой мешались торжество и нервная дрожь. Подойдя к ней, он начал быстро рассказывать, что через брата нашёл человека, который может помочь. Ника уже и забыла о разговоре, том самом, сказанном в минуту отчаяния, — он был погребён под слоями повседневного страха и усталости, как старая фотография под ворохом чужих писем. Кто бы мог подумать, что Сергей всё это время искал человека, который может убить дядю Лёшу. Он взял её за руку — его ладонь была горячей и чуть влажной от волнения — и, убеждая, что всё будет хорошо, повёл её на встречу с киллером.

Они пришли к старому обшарпанному дому, о котором ходила дурная слава. Дом стоял на окраине, косо и устало, словно дряхлый старик, который давно устал держаться на ногах, но не мог позволить себе упасть. Стены облупились до голого кирпича, окна были затянуты мутной плёнкой пыли и времени, а кое-где выбитые стёкла зияли тёмными провалами, будто пустые глазницы. В подъезде было ещё хуже. Всё серое, мрачное: лестничные марши, покрытые грязью и осколками штукатурки; по углам висела паутина — густая, многослойная, словно её ткали не один год, и пауки давно оставили это занятие, как бессмысленное в месте, где и без того было достаточно мёртвого запустения. Там очень плохо пахло — кислой затхлостью, мочой и чем-то ещё, чему Ника не хотела давать названия. Стены были изрезаны граффити и

нецензурными надписями, будто кто-то пытался выместить на них всю свою злость и боль. Издалека доносились голоса — приглушённые, невнятные, они ползли по лестничной клетке, как шёпот из темноты, и от этого мурашки бежали по спине. Ника остановилась и прошептала:

— Может, не пойдём дальше? — Она съёжилась, обхватив себя руками, словно пытаясь удержать внутри остатки мужества, которые и так таяли с каждой секундой.

— Пошли. — Сергей подтолкнул её, и они двинулись вперёд, и каждый шаг по скрипучим, просевшим ступеням отдавался в тишине гулким эхом.

В одной из квартир открылась дверь — с противным скрежетом, будто даже петли не хотели впускать их внутрь. К ним навстречу шёл невысокий, но коренастый мужчина: широкий в плечах, с короткой стрижкой и лицом, на котором застыло выражение спокойного равнодушия — такого, какое бывает у людей, выдавших вещи похуже любого разговора. Его глаза были тёмными, внимательно-непроницаемыми, как два осколка обсидиана. Подойдя, он пожал руку Сергею — коротко, деловито, без лишних слов — и кивнул в сторону Ники. Сергей быстро «обрисовал» ситуацию, и его голос понизился до полушёпота. Ника боялась даже пошевелиться: она стояла, прижавшись спиной к стене, и чувствовала, как холодный кирпич забирается сквозь одежду, впивается в кожу, словно напоминая — ты здесь, это по-настоящему, обратной дороги нет. Мужчина стоял и внимательно слушал

Сергея, изредка кивая, и каждый его кивок ронял в Никину душу камень. Её страх нарастал всё больше — он поднимался откуда-то из живота, подкатывал к горлу, сжимал его, и дышать становилось всё труднее. Когда мужчины договорили, Сергей взял Нику за руку — её пальцы были ледяными — и пошагал к выходу.

Провожая Нику до дома, Сергей говорил, что скоро всё закончится, надо лишь чуть-чуть подождать. Его голос звучал убеждённо и тепло, он пытался перелить в неё свою уверенность, как переливают чай из полного стакана в пустой. Но Ника так не думала: на душе «скребли кошки» — тоскливо, тревожно, неотвязно, как скребётся под дверью брошенное животное. Плохое предчувствие её не покидало, оно шло рядом, как тень, и с каждым шагом становилось всё плотнее и тяжелее.

Предчувствие не обмануло Веронику. Зайдя в квартиру, Ника услышала крик матери — резкий, надрывный, пропитанный страхом, он пронзил тишину подъезда, как нож. Ника кинулась в комнату. Алексей тряс её за плечи, что-то орал невнятное — его лицо было красным, перекошенным, вены на лбу вздулись так, что, казалось, вот-вот лопнут. Пена выступила в уголках рта, и от него несло перегаром так густо, что воздух в комнате стал тяжёлым, липким, непроходимым. Не зная, как это прекратить, Ника схватила первое, что подвернулось ей под руку, и со всей силы ударила его по голове. В этот миг время замедлилось: она видела, как предмет

летит, как лицо Алексея меняет выражение — злость сменяется удивлением, удивление — пустотой. Он рухнул на пол. Тело ударилось о линолеум с глухим, влажным звуком, и в комнате повисла тишина — такая густая, что, казалось, её можно потрогать.

Дальше всё происходило как в бреду. Приехала полиция — мигалки красно-синими вспышками били в окна, превращая комнату в неровный, пульсирующий кошмар. Составляли протокол, кто-то что-то спрашивал, кто-то что-то записывал, слова теряли смысл, превращаясь в бессмысленный, монотонный гул. Вызвали скорую — носилки, белые халаты, деловитая суета. Алексея увезли в больницу с черепно-мозговой травмой. Все разъехались ближе к ночи, и квартира опустела, выхоленная, будто из неё выкачали весь воздух. Ника долго не могла уснуть, обдумывая, что делать дальше: «Может, я погорячилась? Хочу отменить киллера, но не знаю как!» Мысли металась в голове, как пойманные птицы, налетая на стены и друг на друга, не находя выхода. Она уснула только под утро, когда за окном небо начало светлеть — медленно, нехотя, будто и оно не хотело начинать этот новый день.

Утром Ника не хотела вставать, у неё дико болела голова — тупая, давящая боль, словно кто-то надел на череп слишком тесный обруч и медленно затягивал. Зазвонил телефон — резкий, пронзительный звук ворвался в вату сна, как нож. Неохотно она ответила. На том конце провода был Сергей.

Он сказал, что того мужчину посадили за пьяную драку и что будет дальше, непонятно, — так что киллер отменяется. Он попрощался, и послышались гудки — короткие, монотонные, равнодушные. Ника сидела на кровати и смотрела в стену. Гудки звучали, а она не могла пошевелиться — то ли от облегчения, то ли от разочарования, то ли от усталости различать, что правильно, а что нет. Мир за окном продолжал жить: где-то проехала машина, где-то залаяла собака, где-то засмеялся ребёнок. А Ника сидела и думала: она снова осталась один на один со своей жизнью, и эта жизнь никуда не делась — она ждала её, терпеливая и безжалостная.

Прошло две недели, и день выписки Алексея висел над домом, как тяжёлая, свинцовая туча, из которой вот-вот хлынет ливень. Ника переживала: он снова придёт к ним — и станет ещё хуже. Так и случилось.

Так как Ника была против этого союза, а дядя Лёша комфортно устроился и не хотел ничего менять, он откровенно стал выживать Нику из её собственного дома, прикладывая для этого все усилия. Ему не нравилось всё: она не так ходит — её шаги звучали для него как назойливый стук дятла по стеклу; не так смотрит — будто в этом взгляде таилась насмешка; не то делает — любое её движение становилось поводом для упрёка. Он постоянно оскорблял и придира-

ся, и каждое его слово падало на плечи Ники, как камешек, постепенно превращаясь в неподъемную грудку. Часто намекал, что у неё есть бабушка по маминой линии — очень старенькая, ей нужна помощь: «Пожила бы с ней, поухаживала, приглядела». В этих словах не было заботы — только холодный расчёт, желание убрать с глаз долой то, что раздражало.

Устав от постоянных придирок, от этой изматывающей войны за право просто быть в собственном доме, Ника всё-таки переехала жить к бабушке. Дом бабушки был маленьким, тесным, но в нём пахло старыми книгами и тёплым хлебом, а тишина здесь не была зловещей — она была доброй, обволакивающей, словно мягкий плед. Именно в этот момент, когда Ника училась заново дышать, в её жизнь вошёл Андрей. Его появление было как первый луч солнца после долгой метели: негромкое, осторожное, но такое нужное. Первую неделю было тихо и спокойно — дни текли медленно, без надрыва, и в этом спокойствии Ника понемногу собирала себя по кусочкам.

Позже у Ники с мамой состоялся разговор — он был похож на беседу сквозь толстое, мутное стекло: слова доходили, но искажались, теряя тепло. Мама говорила, что Ника должна приходить со школы домой, убираться и готовить кушать: она работает и не успевает всё это сделать до прихода дяди Лёши, который чудом устроился на работу. У мамы была большая просьба: уходить до его прихода. Якобы, когда он видит Нику, у него портится настроение. В этих словах скво-

зила не забота о дочери, а желание сгладить углы, удержать хрупкий, ядовитый баланс. Ника согласилась — не потому, что была согласна, а потому, что устала спорить. К тому же она хотела забрать вещи, которые остались. Как выяснилось, вещей больше не было: он выкинул их в окно. От вида Никиных вещей у него тоже портилось настроение. И теперь на лестничной клетке валялись обрывки её прежней жизни: потрёпанный рюкзак, скомканная кофта, любимая тетрадь с рисунками — всё это выглядело жалким и беспомощным под серым небом.

В таком ритме прошло два года. Дни сливались в один длинный, выцветший узор. После школы Ника была «невидимой, бесплатной домработницей»: она скользила по квартире бесшумной тенью, вытирая пыль, нарезая овощи, прислушиваясь к каждому звуку за дверью, чтобы успеть исчезнуть до возвращения Алексея. Вечерами она гуляла с Андреем — и эти часы становились для неё глотком чистого воздуха. Они шли по улицам, где фонари зажигались, как маленькие маяки, и Андрей говорил что-то простое, но такое важное: о том, как красиво отражается закат в лужах, о том, что у каждого дерева свой характер. Рядом с ним мир снова обретал краски, и Ника позволяла себе на время забыть, что где-то есть другая реальность — та, где её не замечают, где она мешает просто своим существованием.

С Сергеем она лишь изредка созванивалась. Он с пониманием относился к её роману, но всё же иногда приходил в

гости, чтобы убедиться в её благополучии. Его визиты были как проверка компаса: стрелка дёргалась, но возвращалась на север, и это давало надежду, что она ещё не потерялась окончательно.

Были и непредвиденные обстоятельства, когда приходилось бросать всё и бежать домой к маме — останавливать драки, которые происходили в любое время: днём, когда город шумел и спешил, вечером, когда зажигались окна, а иногда даже ночью, когда тишина должна была принадлежать сну. Ника врывалась в квартиру, кричала, пыталась встать между ними, хватала Алексея за руку, умоляла остановиться. И каждый раз внутри что-то надрывалось, как старая струна.

Единственное, что не давало ей опустить руки, — любовь Андрея. В его глазах она видела себя не тенью, не проблемой, а живой, настоящей девушкой, у которой есть мечты и страхи, и всё это имеет значение. Но ничего нет вечного: его любовь закончилась так же, как всё хорошее в её жизни, — не с грохотом, а тихо, почти незаметно, как гаснет свеча от лёгкого сквозняка. Сначала он стал реже звонить, потом встречи стали короче, а потом в его словах появилась неловкость, будто он боялся задеть её чем-то, даже своим присутствием. И однажды он сказал, что им лучше побыть порознь, что он запутался, что ему нужно время. Ника кивнула, не проронив ни слезинки, потому что слёзы уже кончились. Она улыбнулась ему на прощание — улыбкой, кото-

рая стояла дороже любых слёз, — и пошла прочь, чувствуя, как пустеет мир вокруг.

Глава 2

Ника была «раздавлена» — словно кто-то взял и вынул из неё опору, оставив только хрупкий каркас, который вот-вот рассыплется от любого резкого движения. Несколько дней она плакала — тихо, без всхлипов, так, что слёзы просто капились по щекам, не находя выхода, и падали на скомканное одеяло, оставляя на нём тёмные, неровные пятна. В эти дни комната казалась ей чужой: стены будто сдвинулись ближе, потолок навис низко, давя на виски, а воздух стал густым, как сироп, и дышать было тяжело.

Но потом, когда слёзы кончились и в груди осталась только тупая, ноющая пустота, Ника решила бороться за своё счастье. Не потому, что верила в победу, а потому, что не могла просто сидеть и смотреть, как всё рушится. Она разговаривала с мамой Андрея — говорила сбивчиво, горячо, цепляясь за каждую фразу, будто в словах можно было удержаться ускользающую любовь. Потом ругалась с его новой девушкой — и в этих ссорах не было ни достоинства, ни смысла, только горькая, царапающая обида, которая заставляла голос срываться на крик. Но всё было бессмысленно: чужие слова скользили мимо, не задевая ничьей души, и возвращались к ней пустым эхом.

Тогда она не придумала ничего лучше, как приворожить Андрея. В её отчаянии это казалось последней ниточкой, за которую можно ухватиться. Ника перепробовала разные способы: на крови — когда капля падала в воду, и она смотрела, как расплывается алое пятно, будто растворялась и её надежда; простые заговоры — шептала их в темноте, чувствуя себя одновременно смешной и страшной, чужой самой себе. Она искала ответы в старых тетрадях, в полустёртых записях, в обрывках чужих историй, где любовь подчинялась словам и ритуалам. Но видимого эффекта не было: дни шли, Андрей не возвращался, и даже тишина вокруг не становилась теплее.

Однажды, когда отчаяние накатило особенно сильно, в сердцах Ника сказала: «Не со мной — так ни с кем». Слова вырвались сами, грубо, резко, как удар, и повисли в воздухе, тяжёлые и окончательные. И в этот момент что-то случилось: на душе стало легче, будто с плеч свалился камень, который она носила неделями. Боль не исчезла совсем, но начала отступать, размываться, как след на мокром песке под набежавшей волной. Она вдруг поняла, что не хочет больше цепляться за то, что ушло, не хочет выпрашивать крупички чужого внимания.

Постепенно забываться стало не только горе, но и надежда на возвращение прошлого — и это было одновременно горько и освобождающе. Единственное, что осталось на память от этих отношений, — стих, написанный в порыве злости.

Он лежал в ящике стола, исписанный неровным почерком, с перечёркнутыми строками и внезапными восклицательными знаками, будто каждая буква была криком. В нём не было изящества, но была правда — сырая, колючая, обжигающая. И иногда, когда становилось особенно тяжело, Ника доставала его, перечитывала и понимала: даже злость может стать ступенькой, по которой можно выбраться из темноты.

*Я тебя почти забыла,
В сердце от любви осталась только месть!
Я хочу, чтоб упал ты в ноги ко мне
И стал умять вернуться.
Я посмотрю на тебя
И скажу с наслаждением:
- Я любила тебя, а ты издевался!
То ручкой поманишь,
То оттолкнешь.
А теперь страдай, как я страдала!
И смотри мне в след, как я уйду!
Ведь к тебе я уже не вернусь!
Вот так я скажу, развернусь и уйду.*

Вскоре заболела бабушка. Дни и ночи слились для Ники в один бесконечный, выматывающий ритм: накормить, переодеть, дать таблетки строго по часам, следить за каждым

вздохом, ловить в нём надежду или страх. Бывали и совсем бессонные ночи, когда бабушке становилось совсем плохо: тогда Ника сидела у её постели, вглядываясь в изрезанное морщинами лицо, и шептала что-то успокаивающее — не столько для бабушки, сколько для себя, чтобы голос не дал ей провалиться в бездну паники. В эти часы тишина квартиры становилась почти осязаемой — она давила на уши, звенела в висках, и каждый шорох казался предвестником беды.

Гулять было некогда, и Андрей постепенно стёрся из памяти — не сразу, а как выцветает фотография на солнце: сначала тускнеют краски, потом расплываются черты, и в конце концов остаётся лишь смутный контур, по которому уже не узнать прежнего образа. Вероника, как никогда, нуждалась в поддержке Сергея, но его забрали в армию, и даже редкие письма приходили будто из другого мира — спокойного, далёкого, где нет ни боли, ни отчаяния, ни бессонных ночей. Через три месяца бабушки не стало.

Ника тяжело переживала потерю: похороны прошли как в густом тумане, звуки доносились будто сквозь вату, лица расплывались, и только холод ветра по-настоящему ощущался — резкий, пробирающий до костей. После похорон ей не хотелось возвращаться в квартиру бабушки: там всё ещё витал её запах — лёгкий аромат лаванды и старой бумаги, и каждая вещь напоминала о ней. Но и идти к маме было страшно. Впервые за два года она встретилась лицом к лицу с Алексеем. Он всё так же ненавидел Нику — в его взгляде

не появилось ни капли сочувствия, только привычная, вьёв-
шаяся в черты лица неприязнь, будто само её присутствие
было для него оскорблением.

Близились ночь, Ника легла спать, но уснуть ей не уда-
лось. На кухне дядя Лёша выяснял отношения с матерью, и
их голоса проникали в комнату, как холодный сквозняк под
дверь.

— Что она тут делает? — с негодованием орал дядя Лёша.
— Пусть идёт в ту квартиру!

— Она не хочет туда возвращаться, ей жутко находиться
там одной, — пыталась успокоить его мама, и в её голосе
слышалась усталость, смешанная с мольбой.

— Мне всё равно, пусть уходит, — злобно шипел он.

— Я не могу выгнать её на улицу, — мама не оставляла
попыток уговорить его, но слова звучали всё тише, будто она
сама не верила в их силу.

Но Алексей был непреклонен. Ника молча встала, оделась
и ушла. В бабушкину квартиру идти не хотелось — там было
грустно и немного страшно, тишина казалась слишком гром-
кой, а тени в углах — слишком длинными. Она просто бро-
дила по дворам, пока ночь не стала густой и тяжёлой, словно
пропитанной холодом. Спустя пару часов всё же решилась.

Ника зашла в квартиру бабушки и начала собирать её ве-

щи. Она прошла по комнатам, присела на кровать, которая принадлежала старушке, и медленно провела рукой по пледу, которым была застелена кровать. Ткань была чуть жёсткой от времени, но всё ещё хранила тепло, и этот жест стал для Ники прощанием — тихим, без слов. Она ощутила, как кто-то сел рядом и приобнял её за плечи — лёгкое, едва уловимое прикосновение, от которого по коже пробежали мурашки. Ника резко обернулась, но никого не увидела. Тишина стояла такая, что слышно было, как тикают часы на кухне, отсчитывая секунды, которые уже никому не были нужны.

Подойдя к серванту, она взяла в руки фотографию бабушки и долго всматривалась в любимое лицо. В этих чертах было столько спокойствия, столько тихой силы, что на мгновение боль стала чуть тише. Сложив остатки вещей в коробку, Ника понесла её в кладовку. Остановившись у двери, в последний раз оглядела квартиру, глубоко вздохнув, будто хотела вдохнуть и унести с собой этот воздух, этот свет, эту память. Она поставила коробку на полку, и звук дерева, коснувшегося дерева, прозвучал в тишине как финальная нота.

Утром её разбудил телефон.

— Да, — ответила Ника, голос звучал хрипло, будто она ещё не проснулась до конца.

— Привет, мы можем встретиться? — неуверенным голосом сказал Андрей.

Ника согласилась — не потому, что хотела его видеть, а

потому, что не знала, что ей делать. Спустя полчаса Андрей появился в том дворике, где они договорились встретиться. Увидев её, он приостановился, немного помялся на одном месте, потом двинулся дальше. Видно было, что он хочет что-то сказать, но не знает, как начать: его плечи были напряжены, а взгляд скользил по земле, избегая её глаз.

— Ну... я тебя слушаю, — начала разговор Ника, и в её голосе не было ни злости, ни обиды — только усталость, тяжёлая и глубокая.

— Я... я долго думал. Может... попробуем, ну... всё начать с начала? — его голос дрожал, он кое-как закончил фразу, и в этой дрожи было что-то жалкое.

Его слова удивили Нику. Повисла пауза, густая и неловкая, в которой крутились десятки мыслей, сталкиваясь и рассыпаясь.

— Зачем? — единственное, что смогла выдавить Ника, взглянув ему в глаза. В них она не увидела ничего, что могло бы оправдать всё, что было.

— Нуууу... мы же любим друг друга, — он казался растерянным, и это только усиливало горечь.

— Любим? Что за вздор? — в её голосе звучали нотки удивления и насмешки. — Где ты был со своей любовью, когда я бегала за тобой? Когда просила тебя вернуться ко мне? Когда мне было плохо? Где? — она практически перешла на

крик, и слова вылетали, как осколки, острые и безжалостные.

— Я не знаю, что тебе ответить, — он опустил голову, и в этот момент стал казаться ей чужим.

— А где твоя новая «любовь»? — с издёвкой спросила Ника.

— Она пропала, никто не знает где она, — он пожал плечами, и этот жест был настолько безразличным, что боль вспыхнула с новой силой.

Его слова повергли её в замешательство. Помолчав немного, Вероника ответила:

— Ничего у нас не получится. Я тебе больше не верю. Где гарантия, что завтра не появится ещё одна девка и ты не бросишь меня снова? — она вопросительно посмотрела на него, и в этом взгляде не было мольбы — только горькое понимание.

Андрей воодушевился и залепетал:

— Я даю тебе слово, — он присел перед ней на корточки и взял её за руку. — Больше никаких девок, я буду только с тобой, обещааааю, — игриво закончил Андрей, но эта игривость прозвучала фальшиво, как смех на похоронах.

— Нет, — резко ответила она и выдернула свою руку.

— Но... Но... почему? — он в недоумении смотрел на Нику, будто не мог поверить, что его слова больше ничего

не значат.

— Твоё слово больше ничего не стоит! Я хочу начать новую жизнь, с чистого листа. Тебе в ней нет места, — она встала и пошла без оглядки, и каждый шаг отдавался внутри тихим, но уверенным эхом.

В душе Ника чувствовала себя победительницей — не потому, что причинила ему боль, а потому, что наконец-то перестала цепляться за то, что давно рассыпалось в прах. Она брела по улицам города, любуясь цветами на клумбах: их благоухание лёгкий ветерок разносил по улочке, смешиваясь с запахом нагретого асфальта и далёкой выпечки. Деревья склонялись к ней навстречу, будто приветствовали её, и в их шелесте слышалось что-то ободряющее. Вдыхая лёгкий аромат ванили, доносящийся из пекарни неподалёку, она чувствовала, как мир снова становится цветным. Её взор медленно блуждал по всему, что было вокруг: дома, машины, люди — она хотела запомнить всё, ведь для себя она приняла решение: «Завтра всё будет по-другому». Школа закончилась, можно поступить в институт, найти работу и начать новую, столь долгожданную жизнь.

Её размышления прервал странный парень, стоящий на противоположной стороне дороги. Она увидела его мельком, пока шла: силуэт, одетый во всё чёрное, сливался с тенью дома, но взгляд его был таким пронзительным, что она невольно остановилась. Ей показалось, что в нём было что-то притягивающее, загадочное и немного пугающее — как у чело-

века, который знает то, чего не должны знать другие. В тот момент по её телу пробежала дрожь, холодная и острая, будто кто-то провёл по спине ледяной иглой. Резко повернувшись, чтобы рассмотреть его получше, она увидела, что там уже никого не оказалось. Ника готова была поклясться, что там стоял парень, но улица была пуста, и только ветер гнал по асфальту обрывок газеты. Прокручивая в памяти момент, она снова видела этот силуэт, эти доли секунды, когда их взгляды, казалось, встретились.

Зайдя домой, она решила ещё немного поспать, так как ночью ей плохо спалось. Прилегла на диван и почти сразу провалилась в сон. Во сне она видела всё того же парня: высокий, спортивного телосложения, с чёрными, как смоль, волосами до плеч. Он был одет в чёрную обтягивающую тенниску, чёрные джинсы. Лицо его было удивительно красивым: смуглая кожа, ярко-зелёные глаза — они смотрели серьёзно и даже грозно, притягивали и пугали одновременно. Слегка махнув рукой, он звал её к себе. Этот жест был таким уверенным, таким властным, что Ника сделала шаг вперёд, но тут же проснулась в поту, её бросало то в жар, то в холод. Сон был настолько реалистичен, что Нике было не по себе, будто она действительно стояла на пороге чего-то неизведанного.

— Что за наваждение? — произнесла она вслух, и собственный голос прозвучал в пустой комнате как спасение.

Имея небольшие сбережения, которые остались от бабуш-

ки, Вероника взяла немного денег и пошла за продуктами. Неподалёку от дома был небольшой базарчик. К нему Ника и направилась. На удивление, было слишкомлюдно: люди толкались, переговаривались, воздух был насыщен запахами рыбы, специй и свежих овощей, и от этого шума и суеты голова шла кругом. Она столкнулась с кем-то плечом. Обернувшись, чтобы извиниться, увидела того парня из сна. Он стоял совсем близко, их взгляды встретились на долю секунды, и в его глазах мелькнуло что-то знакомое, будто он тоже узнал её. Ника резко остановилась, но он уже скрылся в толпе, растворившись среди людей, как капля чернил в воде.

«Он меня преследует или я схожу с ума?» — подумала Ника, и эта мысль была такой пугающей, что она поспешила отогнать её. Убедив себя, что ей показалось, она вернулась к покупкам. Купив всё необходимое, приготовила незатейливый ужин. За трапезой строила планы на следующий день: подать документы в институт, найти работу. Слова крутились в голове, складываясь в осторожные, но твёрдые фразы, и от этого становилось чуть спокойнее.

Ника бродила по комнате в поисках какого-нибудь занятия. У неё очень хорошо получалось мастерить небольшие поделки из всего, что попадётся под руку — бусины, лоскутки, старые пуговицы, кусочки дерева. Это было её хобби, тихий островок, где можно было собрать себя по кусочкам. Перебирая маленькие бусинки, чувствуя их гладкую поверхность кончиками пальцев, она замечала, как время ле-

тит незаметно, а тревога потихоньку отступает, растворяясь в монотонных движениях.

Приближалась ночь, она расстелила кровать и легла. Заснула Ника довольно быстро, убаюканная усталостью, но посреди ночи проснулась, будто её кто-то толкнул. По центру комнаты стоял всё тот же парень. Он пристально смотрел на неё, и в этом взгляде было столько смысла, столько невысказанных слов, что у Ники перехватило дыхание. Она напугалась от неожиданности и зажмурилась, словно это могло стереть его из реальности. Набравшись храбрости, открыла глаза снова, желая спросить, что ему надо, но его уже не было. Комната была пуста, только лунный свет ложился на пол бледными полосами. Ей долго не спалось: периодически открывая глаза в надежде на его появление, но этого не произошло.

Утром Ника собиралась в институт, думала о произошедшем ночью: «Неужели я схожу с ума?», «Кто он?», «Как попал в квартиру?». Вопросы крутились в голове, натываясь друг на друга, но не находили ответов. Не найдя ни одного ответа, она отбросила эти мысли и продолжила собираться, стараясь сосредоточиться на простых, понятных вещах: надеть куртку, застегнуть молнию, взять сумку.

Выйдя из института, по дороге она накупила газет с объявлениями, зашла в ближайшее кафе, чтобы перекусить и почитать объявления. Ника заказала пиццу и апельсиновый сок. Принялась обзванивать все подходящие объявления —

всё безрезультатно.

— Работа, где ты? — прошептала она в шутку, но в этой шутке была доля горькой правды.

Подошла официантка с заказом. Поставив тарелку на стол, она заговорила:

— Извините, — начала та. — Я слышала, как вы звонили. Вы ищете работу?

Ника кивнула, и в этом движении было столько надежды, что даже плечи расправились.

— Нашему кафе нужна официантка. Если хотите, поговорите с управляющей, — девушка махнула в сторону барной стойки, возле которой стояла красивая женщина в строгом сером костюме.

— Спасибо. Большое спасибо, — Ника расплылась в улыбке, и эта улыбка была такой искренней, что даже воздух вокруг стал чуть теплее. Она направилась к барной стойке.

Вероника поговорила с управляющей. Та оказалась добродушной женщиной с внимательными глазами и спокойной улыбкой. Нику приняли. Они договорились, что Ника приступит завтра. попрощавшись, Вероника направилась к выходу, и в груди у неё разливалось непривычное чувство — лёгкость, смешанная с предвкушением.

Зазвонил телефон.

— Да? — ответила она на звонок.

Звонила соседка.

— Ты где? Ты нас топишь, — её голос был раздражённым,

резким, как удар хлыста.

— Как? Бегу, скоро буду, — Ника повесила трубку и ускорила шаг, и радость, которая только что согревала, рассыпалась, как стеклянный шар, ударившийся о камень.

Она начала разговаривать сама с собой:

— Только этого мне не хватало. Можно подумать, у меня мало проблем.

Открыв дверь в квартиру, Ника смотрела на вытекающую воду из-под двери ванной комнаты. Тонкие струйки уже превратились в поток, и пол блестел, отражая свет люстры, как тёмное зеркало. Быстро преодолев расстояние и зайдя в ванную, она увидела приличную струю, бьющую из трубы, — она хлестала, как маленький, но яростный фонтан, и от этого зрелища внутри всё сжалось.

— О нет! Трубу прорвало, — сказала она вслух в отчаянье, и её голос прозвучал жалко и беспомощно.

На пороге появилась соседка.

— Что стоишь? Делай что-нибудь, — злобно говорила она, и в её глазах читалась не столько обида, сколько страх перед тем, что придётся разбираться с последствиями.

Перекрыв воду, Ника обратилась к соседке:

— Простите. Я сейчас всё уберу, не знаю, как так вышло.

— Что мне твоё «простите», — продолжала злиться женщина. — Надо ремонт вовремя делать. Ты испортила мне

дорогие обои, я принесу тебе счёт за ремонт, — выговорившись, соседка ушла, оставив после себя запах духов и тяжёлое чувство вины.

Ника вызвала сантехника и стала убирать воду. Мокрая тряпка скользила по полу, собирая воду, которая казалась бесконечной. Через десять минут постучали в дверь. На пороге стоял парень из сна — тот самый, с чёрными волосами и зелёными глазами, только теперь он был в рабочей одежде, с инструментом в руках, и выглядел не как призрак, а как самый обычный человек.

— Сантехника вызывали? — с улыбкой спросил он, и эта улыбка была такой тёплой, что тревога на мгновение отступила.

— Да, — Ника растерялась, не зная, верить ли своим глазам. — Быстро вы.

— Это наша работа, — всё так же незатейливо ответил он, и в этих простых словах было столько обыденности, что реальность снова встала на место.

Ника проводила его в ванну, он занялся работой, и звук инструментов, стук, скрежет, приглушённые ругательства — всё это создавало странный, но успокаивающий фон. Она прошла на кухню, поставила чайник, и движения её были механическими, будто тело знало, что делать, даже если разум ещё не до конца проснулся.

В дверь опять постучали. Пришла соседка.

— Вот, — она протянула Нике листок бумаги. — Это сумма, которую ты мне должна за испорченные обои и потолок.

Соседка собралась уходить и уже на пороге добавила:

— Долго ждать я не буду, к понедельнику жду деньги.

Вернувшись на кухню и сев за стол, Ника расплакалась. Слезы катились по щекам, горячие и злые, и она не пыталась их вытирать. В этот момент зашёл сантехник.

— Принимай работу, — увидев, что Ника плачет, он присел напротив. — Что-то случилось?

Ника молча протянула ему листок бумаги. Взглянув, от удивления у парня расширились глаза.

— Это что? — он с непониманием смотрел на неё.

— Это деньги, которые я должна соседке за испорченный ремонт, — сказала она, вытирая слёзы, и голос её дрожал.

— У неё что, квартира золотом обшита? — попытался развеселить её парень, и в этой попытке было столько искренности, что уголки губ Ники чуть дрогнули.

— Не знаю. Где я возьму такую сумму за два дня? — она готова была снова заплакать, и слёзы уже подступали, тяжёлые и горькие.

Увидев это, он подсел к ней поближе и приобнял её за плечи, и его прикосновение было таким настоящим, таким тёплым, что Ника на мгновение перестала дышать. Странное чувство посетило её: какое-то время назад, когда ей ка-

залось, что её кто-то обнимает, прикосновения были такими же — лёгкими, но уверенными, будто человек знал, что она нуждается в этом больше всего.

— Хочешь, я помогу тебе. Переклею ей обои сам, — сказал он, и в его голосе не было ни насмешки, ни высокомерия — только простое желание помочь.

— Зачем тебе это? — она подняла на него глаза, и в них читалось столько недоверия и надежды одновременно, что это разрывало сердце.

— Просто хочу тебе помочь, — с теплом ответил он, и в этих простых словах прозвучало что-то такое, от чего у Ники внутри будто сдвинулась тяжёлая плита, под которой столько времени пряталась надежда.

— Как тебя зовут? Я Ника, — оживилась она, будто только сейчас по-настоящему его увидела: не как сантехника, пришедшего по вызову, а как человека, в чьих глазах не было ни осуждения, ни равнодушия.

— Аарин, — произнёс он, и имя прозвучало непривычно, словно из какой-то другой сказки. Увидев её удивлённый взгляд, он добавил: — Можешь звать меня Рин.

— Что за странное имя? — в её голосе не было насмешки, только искреннее любопытство.

— Когда-нибудь я расскажу тебе, — его взгляд наполнился грустью, лёгкой и прозрачной, как тень облака на воде, и на мгновение в комнате стало тише, будто даже воздух при-

слушался к этому обещанию.

— Будешь чай? — Ника встала и подошла к столу. Хоть ей этого и не хотелось — привычная суэта казалась сейчас лишней, — но в его объятьях она чувствовала тепло и защиту, которой ей так не хватало, и не хотела расставаться с этим чувством даже на минуту. Он кивнул в знак согласия, и этот кивок был таким спокойным, таким уверенным, что тревога, сидевшая где-то под рёбрами, чуть ослабила хватку.

Накрыв на стол, она снова задала тот же вопрос, будто пыталась найти в ответе какую-то опору:

— Всё равно не понимаю, зачем тебе мои проблемы?

— Хочу сделать тебе подарок на день рождения, и вот ещё небольшой презент, — он протянул ей небольшой красный камушек, гладкий, будто отполированный морем. В её руках он сразу стал чёрным — глубоким, матовым, словно впитал в себя всю тяжесть её мыслей. Увидев смятение в её взгляде, Рин продолжил: — Когда камень становится чёрным, значит, тебе плохо и нужна помощь.

Она не поверила ему, подумала, что это просто камень настроения — забавная безделушка, игра цвета от температуры кожи. Но ей всё равно было приятно: не из-за магии, а из-за того, что кто-то вообще подумал о ней, заметил, что ей тяжело. Как она могла забыть про своё восемнадцатилетие? И не только она — все вокруг. В этом году день рождения будто стёрся из календаря, растворился в бытовых заботах, ссорах и бесконечных делах.

Взяв себя в руки, она вновь посмотрела на гостя и продолжила разговор:

— Как ты узнал? — к ней стала возвращаться улыбка, лёгкая и немного неловкая, как у человека, который долго не улыбался и уже забыл, как это делается.

— Это не важно, — ответил он мягко, будто не хотел разрушать хрупкое равновесие момента лишними объяснениями. — Ты примешь мою помощь?

— Не думаю, что у меня есть выбор, таких денег мне всё равно не найти, — она стала улыбаться, а потом, посмотрев на камень, увидела, что он снова стал красным, похожим на спелый гранат, будто согрелся в её ладони.

Они ещё немного поболтали, и разговор лился легко, без напряжения, как вода, наконец-то нашедшая русло. Сходили к соседке, посмотрели на нанесённый ущерб: ободранные обои, тёмные разводы на потолке, следы сырости, въевшиеся в штукатурку. Рин объявил, что будет делать ремонт сам. Ей это крайне не понравилось — она привыкла всё тянуть одна, не доверять чужим обещаниям, не верить в чудеса. Но, не найдя веских доводов для отказа, она всё же согласилась, и в этом согласии было не поражение, а что-то похожее на облегчение.

— Спасибо тебе огромное за помощь, и до завтра, — прощалась Ника, и в её голосе звучала искренняя благодарность, смешанная с робкой надеждой.

— С нетерпением буду ждать завтрашнего дня, — его гла-

за блестели, словно два больших изумруда, в которых отражался свет лампы, и что-то ещё, неуловимое, будто в них пряталась целая вселенная.

Ника зашла домой. Настроение её было приподнятое — не восторженное, не оглушительно радостное, а тихое, как рассвет, когда солнце только начинает согревать землю. Она познакомилась с красивым, добрым парнем, и он запал ей в душу — не яркой вспышкой, а ровным, тёплым светом, который не слепит, а помогает разглядеть дорогу в темноте. Весь оставшийся вечер она думала только о нём, перебирала в памяти каждую фразу, каждый жест, каждую интонацию.

Разглядывала камень: он отблескивал разными оттенками красного, словно внутри него тлел маленький огонь. Шестиугольной формы, но не все стороны были равны — будто природа лепила его в спешке, на ходу, и от этого он казался живым. Камень был гладкий со всех сторон, и только с одной, по центру, слегка выпирая, виднелось очертание буквы «В». Можно подумать, что это первая буква Вероникиного имени. Она водила пальцем по этому едва заметному рельефу, и ей казалось, что в этом знаке есть что-то большее, чем случайность.

В эту ночь ей опять снился Рин. Сон был не таким тревожным, как раньше: в нём не было ни пугающей тишины, ни тяжёлых взглядов. Он стоял у окна, за которым бушевала гроза, но в комнате было спокойно. Он обернулся, увидел её, улыбнулся и протянул руку. Ника шагнула навстречу, и

когда их пальцы соприкоснулись, проснулась.

Утро пришло тихо, без резких звуков, без суеты. Солнце пробивалось сквозь занавески тонкими золотыми нитями, и в воздухе кружились пылинки, похожие на крошечные звёзды. Ника лежала, прислушиваясь к себе, и чувствовала, что мир стал чуть светлее. Впереди был новый день, полный неопределённости, но впервые за долгое время в этой неопределённости не было ужаса — только ожидание чего-то важного, что вот-вот случится.

Глава 3

Сон был очень реалистичен, хоть и, по мнению Ники, такого не бывает. Он возник из ниоткуда — словно сама тень сгустилась и обрела форму. За его спиной распахнулись чёрные крылья во весь его рост — огромные, тяжёлые, будто сотканные из самой темноты, но в то же время живые, трепещущие на невидимом ветру. Он был одет во всё чёрное, и только глаза оставались яркими, изумрудными, как два осколка летнего неба посреди бури. Протянув Нике руку, он смотрел на неё так, будто знал каждую её мысль раньше, чем она успевала её осознать. Словно под гипнозом, она подошла к нему и взяла его за руку. Его ладонь была тёплой, почти горячей, и от этого тепла по её телу прокатилась волна спокойствия, смывая все страхи.

Как по волшебству, они оказались за пределами квартиры

— и мир вокруг изменился. Они летели высоко над землёй, и ветер свистел где-то далеко внизу, не смея коснуться их. Его крылья в расправленном виде были ещё больше, чем казались в начале, — они рассекали воздух с глухим, мощным шелестом, и Ника, прижимаясь к нему сильнее, слышала биеение его сердца. Оно билось в унисон с её собственным, и в этом совпадении ритмов было что-то древнее, правильное, словно так и должно быть всегда.

Спустя какое-то время они стали снижаться. Земля приближалась медленно, будто не хотела нарушать эту хрупкую гармонию. Они приземлились в поле, усыпанном цветами, которых Ника никогда раньше не видела: лепестки переливались всеми оттенками фиолетового и синего, будто впитали в себя цвет сумерек, а сердцевинки светились мягким золотистым светом, как крошечные звёзды. Светило солнце, но его свет был не обжигающим, а ласковым, обволакивающим, словно само небо улыбалось этому месту.

Они присели на траву, и он заговорил:

— Боишься меня? — Рин пристально смотрел ей в глаза, и в его взгляде не было ни угрозы, ни давления — только искреннее желание знать правду.

— Нет, — прошептала Ника, не отводя взгляда, словно боялась, что если моргнёт, всё исчезнет. — Не понимаю, как такое может быть... — словно замороженная, она пыталась найти объяснение, цепляясь за привычные законы мира, которые здесь явно не работали.

— Если доверишься мне, я покажу тебе другую сторону мира, — он говорил серьёзным тоном, как будто был другим человеком — не тем, с которым она познакомилась днём, а кем-то более древним, более мудрым, кто видел гораздо больше, чем ей когда-либо доведётся увидеть. — Что скажешь?

— Не знаю, что ответить... С трудом верится, что это реально, — Ника была в замешательстве: с одной стороны, её тянуло к нему с непреодолимой силой, с другой — что-то внутри сжималось от страха перед неизведанным, перед тем, что могло навсегда изменить её жизнь.

— Решай сейчас, нам надо возвращаться, — всё так же спокойно ответил он, и в этой спокойной уверенности было что-то, что заставляло поверить: времени действительно мало.

— Хорошо, я доверюсь... Если пообещаешь, что никогда меня не оставишь и я больше не буду одна, — в этих словах прозвучала вся её боль, все годы одиночества, все моменты, когда ей казалось, что она совсем одна против целого мира.

— Обещаю. Теперь я всегда буду рядом, — его голос звучал твёрдо, без тени сомнения, и в этот момент Ника почувствовала, как что-то внутри неё наконец-то расслабилось, будто она сбросила тяжёлый, годами носимый груз.

Они вернулись домой, и он попросил её закрыть глаза. Ника, повинаясь, закрыла их, чувствуя, как реальность вокруг становится зыбкой, как отражение в потревоженной воде. А

когда открыла снова, осознала, что лежит в постели, а вокруг — её обычная комната, залитая утренним светом. Это был всего лишь сон.

Ника немного расстроилась: хоть сон и был очень хорошим, она хотела бы, чтобы это было реальностью. Ей хотелось снова почувствовать то тепло, ту уверенность, ту связь, которая на несколько мгновений сделала её по-настоящему защищённой. Встав с постели, Ника пошла приводить себя в порядок. Включив чайник, направилась умываться. Вернувшись на кухню, налила чай, сделала бутерброды. Поставив всё на стол, вспомнила про камень и достала его из-под подушки — он лежал там всю ночь, как маленький страж, и теперь казался ей чем-то большим, чем просто безделушка.

На столе не хватало сахарницы. Ника взяла её и, когда ставила на стол, задела кружку. Почувствовав жжение от горячей кружки, она резко одёрнула руку. Кружка упала и разбилась с резким, неприятным звоном, который расколол утреннюю тишину на осколки. Ника стала собирать их и порезалась — по течению обстоятельств порез оказался глубоким, и тонкая струйка крови медленно потекла по коже, яркая и живая на фоне бледной кожи. Быстро добравшись до раковины, она стала промывать рану, и в этот момент краем глаза заметила, что камень, лежавший на столе, стал чёрным — глубоким, матовым, словно впитал в себя всю её боль и тревогу.

Со словами «дверь была открыта» зашёл Рин.

— Что случилось? — он был встревожен, и в его глазах читалась не просто забота, а что-то большее — будто её боль отзывалась в нём собственной.

— Порезалась, — просто ответила Ника, и в её голосе не было ни слёз, ни жалоб, только усталое признание факта.

Рин вышел и через пару секунд вернулся с аптечкой.

— Как ты узнал, где она лежит? — Ника удивлённо смотрела на него, и в этом взгляде смешивались недоверие и надежда на какое-то простое, бытовое объяснение.

— Не знаю. По мне, так она у всех лежит в тумбочке в углу комнаты, — на ходу придумывал он, и эта неуклюжая ложь только подчёркивала, насколько он не привык оправдываться.

Закончив перевязку, Рин немного расслабился и стал улыбаться, будто хотел вернуть ту лёгкость, которая была между ними раньше.

— Как прошла ночь? — он резко стал серьёзным, и этот переход от улыбки к сосредоточенности был таким резким, что Ника на мгновение замерла.

Она ответила не сразу. Думая о произошедшем, она пыталась сложить в голове разрозненные кусочки: как Рин вошёл, если она помнит, как закрывала дверь; как он быстро нашёл аптечку; как появился именно тогда, когда ей нужна была помощь; как камень почернел сам по себе, без прикосновения. Если он и камень настроения, то менять цвет он должен от температуры кожи, а не сам по себе. Вопрос про

ночь, эта смена настроения — всё это складывалось в картину, в которой сон был не просто сном, а чем-то большим. И он ждал ответа, будто знал, что она всё поняла.

Не зная, что ответить, Ника решила идти в наступление.

— Кто ты? — со всей серьёзностью в голосе спросила она, и в этой прямооте была её сила — та самая, что не давала ей сломаться даже в самые тяжёлые моменты.

Рин на секунду растерялся — всего на долю мгновения, но этого хватило, чтобы Ника поняла: она попала в «точку». Возобладав над собой, он попытался перевести всё в шутку и с улыбкой ответил:

— В каком смысле?

Но Ника не собиралась сдаваться. По его секундному замешательству она поняла, что стоит на пороге чего-то важного.

— В прямом, — её голос был твёрдым, как сталь. — Кто ты такой? — ещё серьёзней повторила она, и в комнате повисла тишина, густая и напряжённая, в которой можно было услышать, как тикают часы на стене, отсчитывая секунды, которые уже не вернуть.

Повисла немая пауза. Она ждала ответа. Рин не знал, что сказать: продолжать дальше маскарад или сказать правду, надеясь на спокойную реакцию. Пауза затянулась, и надо было что-то решать. Он выбрал второе: будь что будет.

— Ангел, — начал Рин издалека, наблюдая за Никиной реакцией. Её не было: Ника смотрела на него, не отводя

взгляда и не меняя выражения лица. Её самообладанию можно было позавидовать — она не закричала, не бросилась прочь, не закрыла уши руками, чтобы не слышать. Просто смотрела, будто ждала, что он скажет дальше.

Рин не был готов к такой реакции и не знал, договаривать или нет. Молчание нарушила Ника.

— Допустим, — она чуть смягчилась, и в этом «допустим» было столько силы, сколько не было бы в любом крике. — Что ты хочешь от меня?

Не зная, как быть, он соврал:

— Просто помочь в трудные минуты.

— Почему сейчас? Почему тебя не было раньше, когда мне реально нужна была помощь? — она стала переходить почти на крик, и в этом крике звучала вся её обида, вся боль тех лет, когда она оставалась один на один со своими страхами. — Мне нужна была помощь. Всю мою жизнь. Но тебя не было. Сейчас я выросла и теперь могу не зависеть от матери и отчима, я даже работу нашла. Почему сейчас? — последний вопрос она прокричала во весь голос, и эхо этих слов ещё долго висело в воздухе.

Рин заговорил спокойно, будто каждое слово давалось ему с трудом, но он не собирался отступить:

— Есть непреложный закон: нельзя навязывать своё мнение ребёнку, он должен делать выбор сам. — Рин сделал многозначительный вид, и в этих словах была не просто отговорка, а что-то большее, какой-то древний, незыблемый

порядок вещей. — Я просто наблюдал. Но всегда был рядом, и в самые трудные для тебя минуты я помогал.

Он хотел подойти к ней, чтобы успокоить, но она отстранилась — не грубо, но твёрдо, давая понять, что пока не готова принимать утешения.

— Мог бы и дальше наблюдать, — Ника начала успокаиваться, и её голос стал тише, ровнее. — Зачем появился?

— Пришло время познакомиться, — каждое слово ему давалось с трудом, и было видно, что он боится всё испортить. Таких, как она, он ещё не встречал: все, с кем ему доводилось работать раньше, пугались, требовалось много времени, прежде чем они начинали воспринимать информацию. Но Ника была другой — она быстро приняла и почти осознала то новое, что вошло в её жизнь.

— Хорошо, — Ника совсем успокоилась, и в её спокойствии было не равнодушие, а принятие. — Познакомились. Что дальше? — спросила она уже спокойным голосом и села на диван, будто готова была выслушать всё, что он скажет, но на своих условиях.

— В каком смысле? — Рин не сразу понял, к чему она клонит, и в этой растерянности было что-то почти человеческое.

Вероника была очень сильным «духовно» человеком, и её реакция это ещё раз доказывала. Рассказать всю правду сейчас могло привести к тому, что Рин потеряет её доверие навсегда. Этого он допустить не мог.

— У тебя же есть какая-то цель? Ты же не просто так пришёл сказать: «Здравствуй, вот и я». Тебе же от меня что-то нужно, — она сверлила его взглядом, не давая возможности спрятаться за общими фразами.

Он снова попытался уйти от прямого ответа:

— Да, нужно, но не сейчас. Ты успокоишься, всё хорошо обдумаешь, и постепенно я буду рассказывать тебе всё. — Рин перевёл дыхание, ему казалось, что это Ника пришла забрать его душу, а не наоборот. Такого напора он ещё не встречал. — Для одного дня информации будет слишком много, ты не сможешь всё правильно понять.

— Ну, будем считать, что ты меня убедил, — она встала и подошла к нему, и в её движениях не было агрессии, только решимость. — Но на один вопрос ты мне ответишь сегодня, или наше общение закончится, — Рин напрягся под пристальным взглядом Ники, понимая, что от этого ответа зависит очень многое. — Сон был реален или нет?

— Не совсем, — на этот вопрос он мог ответить честно. — Я залез в твой сон и создал свою иллюзию, но всё, что там было, есть на самом деле, — он казался школьником у доски, который боится получить плохую оценку, но всё равно старается ответить правильно.

— А крылья настоящие? — в ней проснулся интерес, не страх, не отрицание, а именно любопытство, желание узнать правду до конца.

— Да, — его взгляд стал игривым и вызывающим, будто

он наконец-то мог показать то, что так долго прятал.

— Может, покажешь?

После её слов у него за спиной «выросли» крылья. Он разложил, а потом сложил их, но они остались доступны взору — огромные, чёрные, с едва уловимым фиолетовым отливом в складках перьев, словно в них пряталась сама ночь. Ника медленно обошла его, провела рукой по крылу, и Рин дёрнул им, будто это было щекотно. Она резко одёрнула руку, но не из страха, а скорее из удивления — крыло было настоящим, тёплым, живым. Встав снова лицом к лицу, Ника спросила:

— А почему чёрные?

— Какие дали, — он пожал плечами. — Там не выбирают, — Рин усмехнулся, и в этой усмешке было столько горечи, что Ника вдруг поняла: быть ангелом — это не только крылья и сила, но и свои собственные правила, свои ограничения, своя боль.

В её душу закрались подозрения, вопросы, которые хотелось задать, но Аарин оборвал её мысли:

— Давай поговорим вечером. У тебя будет время подумать. Я пока пойду к твоей соседке устранять проблему, а ты на работу. Только одна просьба: камень, который я тебе дал, носи всегда с собой.

Вспомнив про работу, Ника забежала по квартире, собирая вещи, проверяя, ничего ли не забыла. Убегая в спальню, она пообещала Рину не расставаться с камнем, и в этом обещании было что-то большее, чем простая просьба — буд-

то она соглашалась принять эту новую реальность, какой бы странной она ни была.

Весь день она добросовестно работала, и времени хорошо обдумать случившееся утром не было: поток клиентов, заказы, просьбы, срочные дела — всё это кружилось вокруг неё, как вихрь, не давая остановиться и задуматься. Сделав лишь поверхностное умозаключение, она с нетерпением ждала вечера, когда можно будет снова поговорить с Рином, задать те вопросы, на которые сегодня не хватило времени.

Кафе оказалось с ненормированным графиком: оно работало до последнего клиента, и люди всё шли и шли, будто хотели спрятаться от ночи за чашкой горячего кофе и тихим разговором. Домой она вернулась в третьем часу ночи. Зайдя в квартиру, увидела Рина, сидящего на диване.

— Ну, наконец-то! — воскликнул он. — Я уже начал волноваться, — в шутливой форме сказал Рин, но в его голосе слышалось настоящее облегчение.

— Смотрю, у тебя хорошее настроение, — устало улыбнулась Ника. — Только я не настроена на разговор, очень устала. Хочу спать, поговорим завтра, — она зевнула, и усталость накрыла её, как тяжёлое одеяло, лишая последних сил.

— Хорошо, — он помахал рукой и растаял в воздухе, оставив после себя лишь лёгкое мерцание, похожее на отблеск далёкой звезды, и едва уловимый запах озона, как после грозы.

Проснувшись утром, Ника была в плохом настроении — оно лежало на ней тяжёлым, серым плащом, лишая сил и желания что-либо делать. Ночью Рин не пришёл. Утром его тоже не было. Она постоянно поглядывала на камень, лежавший на журнальном столике: он оставался красным, ровным, спокойным, будто ничего и не происходило. Наверное, скука и плохое настроение не входят в список предшествующих причин для его появления. Пока она собиралась на работу, то ждала его до последней секунды, прислушиваясь к каждому шороху, к каждому скрипу половиц, надеясь, что вот сейчас он возникнет из воздуха, улыбнётся и скажет что-нибудь обычное, чтобы всё снова стало на свои места.

Когда поняла, что Рин так и не появится, обиделась почти по-детски — так, как обижаются, когда очень ждут и не получают. И специально оставила камень на журнальном столике, аккуратно, чуть ли не демонстративно, думая, что этим она обидит его. В этом жесте было столько уязвлённой гордости, что даже сама себе казалась смешной, но отступить не хотела.

День прошёл спокойно, буднично, без происшествий, и эта обыденность только сильнее подчёркивала ту странную пустоту, которая поселилась внутри. Кафе закрылось в полночь. Решив ещё немного покапризничать, Ника пошла прогуляться, мысленно повторяя: «Я ждала, Рин не пришёл,

теперь пусть он подождёт». Бродила она около часа, вдыхая прохладный ночной воздух, который уже пах осенью — листьями, дождём, чем-то увядающим и одновременно свежим. Уже собралась идти в сторону дома, как вдруг ей навстречу появилась пьяная компания парней. Их смех звучал резко, неприятно, как битое стекло под ногами. Чтоб не испытывать судьбу, Ника хотела перейти на другую сторону дороги. Они тоже последовали за ней.

Она ускорила шаг, но они не отставали, выкрикивая ей вслед гадости — слова были грубыми, колючими, они впились в кожу, оставляя невидимые царапины. Ника бросилась бежать, но ноги будто налились свинцом, каждый шаг давался с трудом. Парни быстро догнали её. Повалив Нику на землю, стали лапать и раздевать. Она пыталась сопротивляться изо всех сил, царапалась, кусалась, кричала, но справиться с тремя парнями ей было не под силу. Мир сузился до холодного асфальта под щекой, до чужих рук, до запаха перегара и страха, который заполнял лёгкие, мешая дышать. Когда они почти добились своей цели, Ника была на грани истерики.

— Где же ты, Рин, спаси меня, пожалуйста! — прокричала она и потеряла сознание, и крик её, отчаянный и тонкий, словно разорвал ткань реальности.

Аарин появился в тот же миг. Его движение было стремительным, почти неуловимым взглядом — он раскидал парней в разные стороны, будто они были не людьми, а лёгкими

куклами. Взял Нику на руки, и через секунду они оказались дома. Он уложил её в кровать, накрыл одеялом, сел рядом. В комнате повисла тишина, густая и осторожная, словно сама ночь затаила дыхание. Рин нежно гладил её по волосам, и в этом жесте не было ни спешки, ни суеты — только бесконечное терпение. Спустя почти час она открыла глаза. Посмотрев на него, прошептала: «Рин», прижалась к нему поближе и провалилась в сон, будто только теперь, рядом с ним, могла позволить себе расслабиться.

Проснувшись утром, она увидела, что Рин всё так же сидит рядом, будто и не двигался с места за всю ночь. Осознав, что произошло, она резко села, и этот резкий, судорожный жест был похож на пробуждение от кошмара, только кошмар оказался реальностью.

— Ты спас меня? — тихим голосом спросила Ника, и голос её дрожал, как тонкая струна, готовая порваться.

— Да, — без лишних слов ответил Рин, и в его спокойствии было что-то, что одновременно успокаивало и пугало.

— Они успели сделать это? — её глаза были полны слёз, и эти слёзы были не от боли, а от ужаса перед тем, что могло случиться.

— Нет, — он держался всё так же ровно, будто боялся, что любое лишнее движение может её сломать.

— Где ты был раньше? Почему не появился сразу? — она разрыдалась, и слёзы текли по щекам, горячие и горькие.

— Почему ты оставила камень? — спросил он, и в вопро-

се не было упрёка, только тихая боль.

— При чём тут камень? — она продолжала плакать, не понимая, как эта маленькая вещь может быть важнее её жизни.

— Я просил тебя носить его с собой. После того как ты стала взрослой, я не могу постоянно быть рядом. Камень — это моя связь с тобой. Когда он у тебя, я знаю, где ты, и легко могу тебя найти. Без него я чувствую тебя только в самые сильные минуты отчаянья, именно тогда я и появился. До этого я пытался тебя найти, но не мог, — он говорил спокойно и рассудительно, и каждое слово падало в тишину, как тяжёлый камень в воду, поднимая круги боли.

— Ты не пришёл утром, и я в отместку оставила камень, — прошептала она, и в этом признании было столько детской обиды, что ему захотелось просто обнять её и больше никогда не отпускать.

— Ну и кому ты сделала хуже? — он с иронией смотрел на неё, но в этой иронии не было насмешки — только усталость и понимание.

Ника уткнулась в подушку, пряча лицо от смущения и стыда.

— Всё... — он стал гладить её по волосам. — Всё уже позади, — и в этих словах было столько тепла, что она наконец-то позволила себе поверить, что опасность миновала.

Спустя время она успокоилась, слёзы высохли, оставив после себя только лёгкое жжение в глазах. Решила привести себя в порядок: приняла душ, и тёплая вода смывала не толь-

ко грязь, но и липкий страх, осевший на коже. Перекусила, и простая еда — кусочек хлеба, чашка чая — казалась сейчас чем-то очень важным, почти священным, потому что означала, что она жива. У неё впереди было два выходных, и теперь она была готова слушать Рина, готова узнать всю правду, какой бы горькой она ни была. Сев поудобнее, она начала допрос:

— Ну, рассказывай.

— Что? — не понял он, будто надеялся, что она передумает.

— Свою цель в отношении меня, — она указала на себя рукой, и в этом жесте была не агрессия, а желание наконец-то расставить всё по местам.

— Сейчас? — тянув время, он начал думать, что рассказать, как подобрать слова, чтобы не сломать её окончательно.

— Да, — коротко ответила она, и в этом «да» звучала решимость, которую невозможно было игнорировать.

— Ты избранная! — начал он издалека, и голос его звучал непривычно торжественно, будто он произносил древний приговор. — Таких, как ты, мало: волевой характер, стойко переносишь невзгоды. Ты должна стать ангелом после смерти. — Рин видел её замешательство, но продолжил, не давая ей времени на возражения. — Только не решено каким. Если проживёшь жизнь, как предписывает Библия, станешь ангелом света, если отклонишься — ангелом тьмы. К тебе были приставлены ангелы с обеих сторон. Один обе-

регал и наставлял на путь истинный, другой искушал. Борьба ведётся, пока один не...

Она перебила его, голос её звучал твёрдо, хотя внутри всё дрожало:

— Раз ты здесь один, я полагаю, выбор сделан? — в её взгляде читалась буря эмоций: страх, гнев, непонимание и какая-то отчаянная надежда.

Он просто кивнул в знак согласия.

— Не трудно догадаться, победила тьма, — Ника произнесла это почти шёпотом, и в этих словах не было торжества или радости — только холодная констатация факта. Рин снова кивнул.

— Можно узнать, где я сошла с правильного пути? — спросила она, и в этом вопросе было столько боли, что он на мгновение закрыл глаза, будто хотел спрятаться от неё.

— Когда потеряла любовь, — в его голосе было сожаление, глубокое и искреннее. — Все проблемы из-за любви. Ты даже отчима смогла простить, ну или пожалеть, но отпустить Андрея не смогла.

Ника молча переваривала информацию, слова крутились в голове, сталкиваясь и рассыпаясь, не складываясь ни в какую понятную картину. Он просто наблюдал за ней, не пытаясь утешить или отвлечь.

— И что теперь будет? Назад пути нет? — она с надеждой смотрела на Рина, и в этой надежде было столько уязвимости, что ему хотелось солгать, сказать что-нибудь утеши-

тельное, но он не мог.

— Когда придёт время, я заберу твою душу, — спокойно начал он, и эти слова прозвучали как приговор. Немного подумав, Рин добавил: — Всё можно вернуть назад... почти всё. Для этого я здесь: моя задача — не дать тебе встать на путь исправления.

Её глаза загорелись яростью, и эта ярость была не просто гневом, а протестом против самой судьбы. Ника подскочила к нему, зашипев злобно, как загнанный в угол зверь:

— Какое ты имеешь право решать за меня? — она упёрлась указательным пальцем ему в грудь, и в этом жесте была вся её боль, вся её решимость. — За себя буду решать только я, и никто больше.

— За тебя всё решили, как только ты родилась, — он попытался её успокоить, но тщетно.

— Может, и так, но выбирать между белым и чёрным буду я сама, — последнее слово Ника произнесла по буквам, будто хотела, чтобы он слышал не только смысл, но и самую тяжесть каждого слога.

— Ты не знаешь, о чём говоришь. Ты не видела ни одну из сторон, — в его голосе прозвучала усталость, будто он уже тысячу раз повторял эти слова и ни разу они не помогли.

— Не надо мне заговаривать зубы! — переходя на крик, она оттолкнула его. — Все знают с детства, что добро лучше зла. Уходи! — она показала рукой на дверь, но он не отреагировал, тогда она закричала: — Уходи!!!

Рин растворился в воздухе, оставив после себя лишь лёгкое мерцание, похожее на след падающей звезды, и едва уловимый запах озона, как после грозы. Не зная, что ей делать дальше, Ника сначала села на диван, обхватив голову руками, будто хотела удержать мысли, которые разлетались в разные стороны. Потом резко вскочила, уставилась в потолок, словно надеялась увидеть там ответы, и прошептала:

— Почему я? За что мне столько испытаний? Даже ангела красивого нашли... Наверное, самого красивого, чтоб я посильнее мучилась, — сказала она с самоиронией, и эта ирония была её последней защитой от отчаяния. — Какую бы мне сторону выбрать... Вы меня, конечно, извините, но столько всего для одного человека — это уже слишком. Взять хотя бы отчима. Знаете, что я думаю сейчас? Выбрать тёмную сторону, и не когда-нибудь, а сейчас, чтоб зайти и отомстить за все эти годы. Но нет же, я добрая, я всех прощаю, и его должна, — она опустилась на колени и разрыдалась, и слёзы её были не слезами слабости, а слезами человека, который слишком долго держался и наконец-то позволил себе сломаться.

Глава 4

Прошла пара дней, и за эти дни Ника успокоилась — не потому, что примирилась с тем, что узнала, а потому, что устала злиться. Злость — штука энергозатратная, а у неё и

так оставалось немного сил. Рин не появлялся. Ни днём, ни ночью, ни в полудрёме, ни наяву. Квартира казалась пустой не в том смысле, что в ней не хватало вещей или людей, а в том, что в ней не хватало чего-то невидимого, какого-то тепла, которое она даже не успела как следует запомнить, но уже скучала по нему.

Она ловила себя на мысли, что скучает по нему. По его зелёным глазам, в которых, казалось, пряталось целое небо — не голубое, а именно зелёное, как лес в полдень, когда солнце пробивается сквозь кроны и окрашивает всё вокруг в тёплый, живой цвет. По лучезарной улыбке, которая появлялась так легко, будто для него улыбаться было так же естественно, как дышать. В этом парне было что-то такое, что манило её, как мотылька на огонь: и притягивало, и пугало одновременно, и оторваться она не могла, хоть и понимала, что огонь может обжечь.

Зазвонил телефон. Мама просила о помощи — опять что-то не поделили с отчимом. Голос матери в трубке звучал привычно: испуганно, сбивчиво, с ноткой той самой покорности, от которой Нике каждый раз хотелось кричать. Ника начала быстро одеваться, пальцы торопливо застёгивали пуговицы, мысль уже была там, в маминой квартире, где, наверное, опять летела посуда и трещали двери.

Прибежав к маме, она увидела, что драка была в самом разгаре. Квартира выглядела так, будто через неё прошёл ураган: опрокинутый стул, на полу — осколки разбитой та-

релки, воздух густой от крика и ненависти. Алексей и мать стояли друг напротив друга, и от обоих исходила та тяжёлая, ядовитая энергия, которая всегда висит в домах, где любовь давно сменилась привычкой терпеть. Встав между ними, Ника попыталась разнять, протянула руки, сказала что-то успокаивающее — слова, которые она повторяла уже в сотый раз и которые каждый раз звучали всё более бессильно. Не тут-то было: он тут же перевёл свою агрессию на Нику, будто она была не дочерью, а очередной помехой, ещё одним препятствием на его пути.

Он оттолкнул её с такой силой, что Ника, не ожидая этого, потеряла равновесие. Мир накренился, пол бросился навстречу, и она ударилась головой о край стола — тупой, тяжёлый удар, от которого перед глазами вспыхнула белая вспышка, а потом всё поплыло. Камень вылетел из кармана и покатился по полу, тихо постукивая, будто отсчитывая удары. Он начал чернеть — медленно, от центра к краям, как чернила, впитывающиеся в бумагу. «Нет, я сама справлюсь», — подумала она, и в этой мысли было столько упрямства, столько отчаянной, слепой гордости, что камень словно почувствовал: остался двух цветов — наполовину чёрный, наполовину красный, словно раздумывал, ## её волю или подчиниться своему назначению.

Ника резко вскочила — голова загудела, в висках застучало, но злость оказалась сильнее боли — и кинулась к отчиму. Завязалась потасовка: руки, крики, толчки, чьё-то тя-

жёлое дыхание. Мать вызвала полицию. Вскоре они были на месте — двое усталых сотрудников с привычной, почти равнодушной деловитостью. Заполнили протокол, собрали подписи, уgomонили отчима, усадив его на стул с таким видом, будто видели таких тысячу и видели ещё тысячу. Полиция уехала, и вместе с ними из квартиры ушёл последний остаток напряжения, оставив после себя лишь тяжёлую, грязную усталость.

Ника тоже стала собираться домой. Оглянувшись на маму, она поймала себя на том, что ждёт — не слов благодарности, нет, просто взгляда, хоть какого-то знака, что мама заметила, что она пришла, что она рисковала, что она снова встала между ними. Но ничего не последовало: мама молча убирала осколки, и её спина была знаком не грубости даже, а какой-то непоправимой, застарелой покорности, от которой Нике каждый раз становилось тяжелее, чем от любого удара.

Возвращаясь домой, Ника чувствовала дикую головную боль — она пульсировала в висках, отдавалась в затылке тупыми, ритмичными ударами, будто кто-то методично бил молотком по внутренней стороне черепа. Перед глазами всё расплывалось: фонари двоились, дома покачивались, асфальт казался неровным, живым, идущим волнами. Кое-как добравшись до дома, она легла в постель, и подушка приняла её тяжёлую голову с такой нежностью, какой уже давно не проявлял ни один человек. Сильная боль сводила её с ума, каждый поворот, каждое движение отдавалось новой вспыш-

кой. Не было ни сил, ни настроения — только тупая, ноющая пустота и боль, которая не отпускала. Ника позвонила сменщице и договорилась, чтоб та её подменила завтра на работе. Голос звучал глухо, далеко, будто шёл не из её рта, а откуда-то из глубины колодца. Ей хотелось побыть дома и отлежаться — спрятаться от мира, от людей, от боли, от всего.

Проснувшись, она поймала себя на мысли, что боль не прошла, а лишь усилилась — теперь она была острой, сверлящей, будто кто-то вставил в голову раскалённый гвоздь и медленно проворачивал его. Встать с кровати она не смогла: тело было тяжёлым, непослушным, чужим, будто за ночь кто-то подменил его на другое, сломанное, не желающее подчиняться.

— Отлично! — заговорила она вслух, и голос прозвучал в тишине комнаты жалко и дерзко одновременно. — Это очередная проверка или искушение? — и в этих словах, произнесённых в пустоту, было столько горькой иронии, что они показались ей самой смешными и страшными одновременно. Она лежала и смотрела в потолок, белый, безразличный, не знающий ни проверок, ни искушений, ни боли, и думала: если это и правда испытание, то кто бы его ни придумал — он явно перестарался.

Аарин был ей нужен — так сильно, как бывает нужно тепло в ледяной комнате, где стынут не только руки, но и мысли. Но он не появился. Весь день Ника провалилась в постели, глядя в потолок, по которому медленно ползли тени от

ветвей за окном — то ли от ветра, то ли от её собственного неровного дыхания. Настроение не прибавлялось: оно лежало где-то внизу, под кроватью, тяжёлое и забытое, как старая зимняя куртка в разгар лета.

Много думая, она впервые не знала, что делать. С одной стороны, она верила в добро — в то тихое, упрямое добро, которое живёт в мелочах: в чашке чая, в слове поддержки, в умении не ударить в ответ. С другой — она очень привязалась к Рину, к его улыбке, к его странным шуткам, к тому, как он смотрел на неё так, будто видел не только её боль, но и всё хорошее, что она сама давно перестала замечать. Не хотела его терять. Внутри неё шла борьба — не громкая, без криков и слёз, а тихая, изматывающая, когда каждая мысль тянет в свою сторону, и ни одна не кажется правильной.

Проснувшись на следующий день, она поняла, что самочувствие лучше не стало. Боль не ушла, а притаилась где-то в глубине головы, готовая вспыхнуть от любого резкого движения. Пришлось вызвать скорую. Пока она ехала, Ника лежала, закрыв глаза, и думала о том, что ей приснилось. «Она стояла в поле с красивыми цветами, оглядывалась, вокруг не было ни души». Поле было залито мягким, золотистым светом, цветы тянулись к небу, и в этой тишине было что-то одновременно прекрасное и пугающее — как будто весь мир замер, чтобы она могла услышать что-то очень важное. Её мучил только один вопрос: это сделал Рин или нет? Она хотела, чтобы это был он — чтобы он хоть во сне был рядом.

Или, наоборот, чтобы это была её собственная, чистая, ни от кого не зависящая мечта.

Нику увезли в больницу с диагнозом «сотрясение мозга». Слова прозвучали сухо, буднично, как будто речь шла не о её голове, не о её мыслях, а о чём-то постороннем.

Ника находилась в больнице уже три дня. Палата пахла лекарствами и одиночеством, а тишина здесь была особенной — не спокойной, а напряжённой, будто стены хранили чужие страхи и не хотели их отдавать. Мама не пришла ни разу, хотя знала, что Ника в больнице. Каждый раз, когда дверь открывалась, Ника чуть приподнималась на локтях, надеясь, но каждый раз это была не мама — то медсестра, то врач, то кто-то из чужого коридора.

Позвонила сменщица из кафе, голос звучал виновато, но твёрдо: Нику уволили. Начальство не хочет ждать, пока она вылечится. Слова упали в тишину палаты, как камни в воду — тяжёлые, холодные, оставляющие круги. Камень, который она крутила в руках, почернел — глубокий, матовый чёрный, в котором не отражался свет. Но Рин не появился. Прошло несколько часов, потом ещё несколько, и она наконец сдалась.

— Ну ладно, выходи уже, я знаю, что ты здесь, — сказала она тихо, почти шёпотом, но в этом шёпоте было столько усталости и надежды, что он, наверное, услышал бы даже сквозь стены.

Он вошёл минут через десять в дверь — с цветами и

апельсинами. В его руках они выглядели странно, почти нелепо, но в то же время так правильно, будто без них он не имел права появиться.

— Привет! — парировал он, и голос его был бодрым, как у человека, который только что выиграл маленькую, но важную битву. — Не больница, а особо охраняемый объект, — начал он возмущаться, но в возмущении этом не было настоящей злости, только желание развеять эту больничную тишину. — Хотел, как все люди, зайти. В регистратуре не медсестра, а цербер. «Вы к кому?» — он передразнивал медсестру, и в его интонации было столько комизма, что уголки губ Ники сами собой чуть приподнялись. — «Бахилы есть? Халат оденьте. Долго не будьте, халатов на всех не хватает». Какие бахилы? Я их в глаза не видел ни разу. Чуть на голову не одел. В наше время такого не было.

Хоть Ника и была обижена на него, настроение стало подниматься — медленно, как солнце после долгого дождя, сначала едва заметное, но с каждой секундой всё теплее. Она смеялась, и смех этот был не от радости, а от облегчения — от того, что он наконец пришёл.

— А сколько тебе лет? — удивилась она, разглядывая его лицо, в котором не было ни одной настоящей морщины, только лёгкие тени у глаз, будто он слишком часто улыбался.

— Триста семьдесят пять, — Рин лучезарно улыбнулся, и в этой улыбке было столько мальчишеского озорства, что он и правда не казался стариком. — Неплохо выгляжу для тако-

го старика, правда? — он выпятил грудь вперёд и погладил себя по голове, словно проверял, не поседел ли за эти дни.

— Даже очень неплохо! — подыграла ему Ника, и впервые за долгое время почувствовала, что может дышать полной грудью.

— Ты больше не злишься? — с небольшой осторожностью он перешёл к делу, и в этом вопросе была не просто вежливость, а настоящая тревога.

— Злюсь, но меньше, — она задрала нос и чуть отвернулась, но не так, чтобы не видеть его, а так, чтобы он понял: она всё ещё имеет право сердиться.

— Но гнать больше не будешь? — давил Рин, но мягко, как человек, который боится потерять то, что только что нашёл.

— Не знаю, посмотрим, — и уже мягче продолжила: — Без тебя скучно.

— Ну, а если серьёзно, что ты решила? — заговорил он серьёзным тоном, и в комнате будто стало тише, даже далёкие больничные звуки отступили на задний план.

— Ничего. Представь себя на моём месте: тебе говорят, ты будешь служить тьме, ты бы что сказал? — увидев его растерянный вид, она продолжила, скорее говоря сама с собой: — Хотя... нашла, у кого спросить.

Он быстро сменил тему, будто не хотел, чтобы эта тяжесть снова опустилась на её плечи.

— Почему ты не захотела, чтоб я пришёл? Тебя сейчас

здесь не было бы, — в его голосе не было упрёка, только тихая боль.

— Хочу решать сама свои проблемы, — ответила она твёрдо, но в глубине души понимала, что это не совсем правда.

— Ааааа... — многозначительно протянул он и начал загибать пальцы. — Ты в больнице. Без работы. А с отчима как с гуся вода. По-моему, у тебя плохо получается.

— Не начинай, — она повысила голос, но не от злости, а чтобы заглушить ту часть себя, которая шептала: «Он прав». — А то поругаемся.

Он замолчал. И в этой тишине они оба слышали то, что не могли сказать вслух: как сильно они нужны друг другу.

Рин приходил к ней каждый день. Они часами болтали — о жизни, о смерти, о её планах на будущее, о том, какой кофе она будет пить, когда наконец выйдет отсюда, и о пустяках, которые вдруг становились самыми важными. Ника поинтересовалась, не он ли подстроил сон о поле с цветами. Рин клятвенно заверил, что нет, и в его взгляде было столько искренности, что она поверила.

Через неделю Нику выписали, и она вернулась домой. Жизнь забила ключом — не сразу, не бурно, а осторожно, как ручей, который пробует дорогу, прежде чем стать рекой. Ника нашла новую работу с гибким графиком, чтобы успевать и учиться, и помогать, и просто жить. Периодически участвовала в разборках матери и отчима — не потому, что

хотела, а потому, что не могла иначе. Готовилась к сессии, зубрила билеты, пила крепкий кофе и смотрела в окно, думая о том, как странно устроена жизнь: в ней есть место и боли, и теплу, и надежде.

Прошло три месяца насыщенной жизни. Ника вернулась от мамы, уставшая, с тяжёлой головой и ещё более тяжёлым сердцем. Дома её ждал Рин.

— Хорошо! Всё, я сдаюсь! — сказала она с негодованием, но в нём уже не было настоящей ярости, только усталость и просьба о помощи, которую она больше не могла прятать. — Сделай так, чтоб он не портил жизнь ни маме, ни мне.

Только она договорила, как Рин с улыбкой растаял в воздухе, оставив после себя лёгкий запах озона и едва уловимое мерцание, будто в комнате на мгновение зажглась и погасла маленькая звезда.

Вернулся Рин ближе к ночи.

— Всё, можете жить спокойно, — весело объявил он, но в этой весёлости была и серьёзность, и обещание, которое он не нарушит.

— Что ты сделал? — с недоверием спросила Ника, боясь поверить, что всё может быть так просто.

— Я не буду отвечать, но больше он вас не побеспокоит, — говорил Рин всё тем же тоном — спокойным, уверенным, будто знал, что делает.

— А мама?

— С ней всё нормально. Она не будет переживать и искать

его, — и в этих словах было столько облегчения, что Ника наконец смогла выдохнуть.

И впервые за долгое время ей показалось, что впереди может быть не только борьба, но и тишина. Спокойная, добрая тишина, в которой можно просто жить.

Рин так и не сказал, что стало с её отчимом. Прошёл год — тихий, ровный, будто сама судьба решила дать им передышку. Мама жила одна: не гуляла, не вспоминала Алексея, и в её доме поселилась непривычная, но спасительная тишина. Да и Ника ни разу его больше не видела. Этот год стал для неё временем, когда она училась дышать по-новому — медленнее, глубже, без постоянного ожидания удара.

Спустя ещё пару месяцев Ника уже не представляла своей жизни без Рина. Они болтали, гуляли, сидели на скамейке у старого парка, где ветер носил запах дождя и мокрых листьев, а солнце пробивалось сквозь тучи тонкими золотыми нитями. Он вёл себя как самый лучший друг на свете — всегда был рядом, знал, когда нужно говорить, а когда просто сидеть молча, чтобы тишина между ними не была неловкой, а становилась чем-то вроде общего дыхания.

Только Нике не нужен был друг. Ей нужен был любящий человек — тот, на которого можно положиться, кто будет всегда рядом не из чувства долга, а потому, что не может

иначе. К этому времени она любила его каждой клеточкой своего тела, и эта любовь жила в ней не как тихое чувство, а как пламя, которое то тлело, то вспыхивало, обжигая изнутри. Того же хотела и от него, но он держался на расстоянии. За всё это время ни одного намёка в её сторону: ни взглядом, ни жестом Рин не показывал ничего, кроме дружбы. И от этого её сердце сжималось так, будто кто-то медленно затягивал на нём невидимую петлю.

Ника пришла с работы — усталая, с тяжёлой сумкой и ещё более тяжёлыми мыслями. Села в кресло, закрыла глаза и погрузилась в свои мечты. Представляла, как он обнимает её, целует и шепчет, что любит. В этих мечтах было столько тепла, что она почти чувствовала его руки на своих плечах, его дыхание у виска. По щекам потекли слёзы — немые слёзы неразделённой любви, тихие, как капли дождя на стекле. Эта любовь душила её изнутри, отчаянно пыталась выбраться наружу, но каждый раз натывалась на невидимую стену.

В голове крутилось много мыслей: «Умеют ли ангелы любить?», «Можно ли им любить?», «Что будет, если они полюбят друг друга?» Она пыталась сложить эти вопросы в какой-то понятный ответ, но они рассыпались, как сухие листья под порывом ветра. Как они могут быть вместе: Рин не стареет, а она — да. Какое будущее ждёт их? И будет ли оно вообще? Эти вопросы висели в воздухе, тяжёлые и безмолвные, как грозовые тучи перед бурей.

Открыв глаза, Ника увидела стоящего перед собой Ри-

на. Он смотрел на неё с удивлением и непониманием, будто только что шагнул из другого мира и не мог понять, куда попал. В его взгляде читалась растерянность — редкое, почти неуловимое состояние для того, кто привык держать всё под контролем.

— Кто придумал, что любовь — это золотая стрела? — заговорила Ника, и голос её звучал непривычно хрипло, будто слова царапали горло изнутри. — Любовь может ранить, если стрела попадает в одного. Любовь должна нести радость людям, но моя приносит мне только боль. Может, я недостойна любви? Может, меня нельзя любить? Может, единственное, чего я достойна, — это страдания? Одни бесконечные страдания! — почти шёпотом она добавила: — Я хочу быть любима. Неужели я слишком много прошу?

Он смотрел на неё и молчал. В этой тишине было столько напряжения, что казалось, воздух между ними звенел, как натянутая струна. Ника тоже не произнесла больше ни слова. Спустя пару минут Рин подошёл к ней и опустился на колени — не как слуга, не как проситель, а как человек, который наконец-то решился показать свою слабость. Взяв её за руки, он произнёс:

— Кто сказал, что в одного? Я тоже люблю тебя! Люблю больше жизни, люблю больше смерти! Ты — всё, о чём можно мечтать! — он притянул её к себе и поцеловал, и этот поцелуй был не просто прикосновением губ, а признанием, которое копилось годами. — Люблю настолько сильно, что ты

даже представить не можешь. В мире не хватит слов, чтобы объяснить, как я люблю тебя!

Как долго она ждала этих слов, этого поцелуя! Время будто остановилось, а потом рванулось вперёд, сметая все преграды. Она подалась навстречу ему, и в этом движении не было ни сомнений, ни страха — только абсолютная, слепая вера в то, что наконец-то всё правильно. Он подхватил её на руки и унёс в спальню, положил на кровать. Покрывая её лицо, шею поцелуями, стал медленно расстёгивать её блузку. Лёгким движением он приподнял Нику, и блузка медленно скользнула с плеч, как тень, растворяющаяся в свете. Продолжая оставлять на её теле нежные поцелуи, он стянул с неё шорты и трусики. Её тело начало пылать от желания, и это тепло разливалось по венам, вытесняя холод одиночества, который жил в ней годами.

Она хотела снять с него футболку, но его одежда испарилась сама собой — будто реальность на мгновение прогнута под тяжестью их чувств. Желание между ними нарастало, становясь почти осязаемым, как электрический разряд в воздухе перед грозой. Чуть отстранившись, он провёл рукой от её шеи до бёдер — и это движение было не просто лаской, а обещанием, клятвой, которую не нужно произносить вслух. Она издала тихий стон, извиваясь под его мускулистым телом, схватила за его плечи, притягивая к себе, будто боялась, что он исчезнет, если она ослабит хватку.

Он обхватил Нику одной рукой за плечи, другой — за бед-

ро и спросил хриплым и томным голосом:

— Ты готова?

— Давно готова, — промурлыкала она, и в этих словах была не просто готовность, а полное, безоговорочное доверие.

Он вошёл в неё и одновременно расправил крылья — огромные, чёрные, с едва уловимым фиолетовым отливом, будто в них пряталась сама ночь. Он вознёс её до небес в прямом и переносном смысле. Её стоны становились всё громче, его дыхание — более хриплым, и в этой какофонии звуков рождалось что-то новое, живое, настоящее. Перевернувшись, она оказалась сверху. Ника откинула голову, и Рин медленно приподнимал и опускал её, с каждым разом ускоряясь, будто пытался поймать ритм, который был старше их обоих.

Достигнув пика, она почувствовала, как сотни иголок пронзили её тело, а потом по коже стало разливаться тепло и дрожь, такие сильные, что казалось, она растворяется в этом ощущении. Почти в унисон он запрокинул голову и громко застонал, и этот звук был похож на крик птицы, взмывающей в небо.

И вдруг они на огромной скорости полетели навстречу земле. Ветер свистел в ушах, холодный и безжалостный, а земля стремительно приближалась, огромная, равнодушная, готовая принять их в свои объятия. Поняв, что они падают, Ника позвала его:

— Рин! Рин!

Он открыл глаза, обняв её крепче, будто хотел защитить даже от самой гравитации. Набрал высоту, а потом молниеносно они очутились в её кровати — так быстро, что реальность едва успела заметить их исчезновение и возвращение. Лежа в объятиях друг друга, они наслаждались моментом — тем самым редким, драгоценным мгновением, когда время замирает, позволяя просто быть. Моментом, который подарила им судьба, словно извиняясь за все предыдущие годы боли.

Прошло два года. Время текло, сплетая дни в одну гладкую, почти счастливую ленту. Ника была счастлива — по-настоящему, глубоко, так, что даже в пасмурные дни внутри у неё будто загорался маленький тёплый огонёк. Рин не переставал её удивлять: то принесёт какую-нибудь смешную безделушку — старинную пуговицу, крошечную фигурку из потемневшей бронзы, камешек с прожилками, похожими на молнии, — то расскажет историю, от которой хотелось смеяться до слёз или плакать от красоты. Он развлекал её разговорами, и в этих разговорах было столько жизни, столько оттенков, что Ника забывала обо всём на свете.

Она до сих пор не могла поверить, что такой заботливый, добрый парень на самом деле падший ангел, служитель тьмы.

Иногда, глядя на него, она пыталась разглядеть в нём эту тьму — холод, безжалостность, ту самую силу, о которой он когда-то говорил, — но видела только свет: в его улыбке, в том, как он смотрел на неё, будто она — самое важное, что есть в этом мире.

Сегодня он появился особенно загадочным, сиял ярче солнца, и от этого света в комнате становилось теплее, даже воздух будто звенел от предвкушения чего-то хорошего.

— Знаешь, какой сегодня день? — загадочно спросил он, и глаза его блестели, как у мальчишки, который придумал грандиозный сюрприз и едва сдерживает восторг.

— Какой? — с интересом спросила она, чувствуя, как внутри всё замирает в ожидании чуда.

— Сегодня два года с нашей первой встречи! — многозначительно заявил Рин, и в этом «два года» было столько смысла, что у Ники на мгновение перехватило дыхание. — Я хотел сделать тебе по-настоящему хороший подарок. Долго думал и... в общем, думаю, ты будешь рада. — Он замолчал, но так и ничего не подарил, и Ника на секунду растерялась, будто её подвели к двери, распахнули её, а за ней оказалась пустота. — Возьми трубку! — сказал Рин.

Ника взяла телефон, не зная, что с ним делать. Экран был тёмным, привычным, обыденным — и вдруг он зазвонил, резко, настойчиво, вырывая её из этого странного ожидания. Звонила мама.

— Да, — насторожилась Ника, и в этом коротком слове

прозвучало столько осторожности, будто она боялась спугнуть хрупкое счастье.

— Здравствуй, доченька! — голос мамы был счастливым, лёгким, почти звенящим, как весенний ручей.

— Здравствуй. Что-то случилось? — с недоверием спросила Ника, потому что счастье в мамином голосе звучало непривычно, почти подозрительно.

— Случилось! Я встретила Михаила! Мы поговорили и решили начать всё сначала. Мы снова сошлись! — по голосу мама светилась от счастья, и это сияние каким-то чудом дотягивалось даже через трубку. — А ты как?

— У меня всё хорошо, — сухо ответила она, и эти слова прозвучали как щит, который она невольно выставила перед собой.

Они поболтали немного, о пустяках, о погоде, о каких-то бытовых мелочах, и попрощались.

— Ну как тебе подарок? — Рин улыбался, и в его улыбке было столько надежды, что Ника не смогла сдержать ответной улыбки.

— Спасибо тебе! — она обняла его и поцеловала, прижимаясь к нему так крепко, будто боялась, что он исчезнет, если она ослабит хватку. — Я люблю тебя и хочу быть всегда с тобой. Если хочешь, я стану ангелом тьмы, лишь бы всегда быть с тобой.

Весь день они провели вместе. Разговаривали, обнимались, целовались, и даже играли, как дети, бегая друг за дру-

гом по квартире, смеясь так громко, что, наверное, слышали соседи. В эти моменты тьма казалась не страшной, а просто другой стороной света, и Ника была готова принять её, лишь бы не терять его.

Но вечером он ушёл. Рин никогда не оставался надолго. Как только он уходил, Ника сразу начинала скучать, считать минуты до новой встречи, прислушиваться к тишине, которая становилась слишком громкой без его голоса.

Ночь тянулась медленно, как густая смола, застывающая каплями времени. Ника просыпалась от кошмаров, каждый раз с одним и тем же чувством — будто она выныривает из ледяной воды, задыхаясь и дрожа. Засыпала, и один и тот же сон продолжался с того момента, на котором обрывался.

«Ника брела по тёмной пещере, всюду была кровь и огонь, и воздух был тяжёлым, пропитанным гарью и страхом. Блуждая по закоулкам, она что-то искала, сама не зная что. Вероника обходила поворот за поворотом, и каждый новый коридор был похож на предыдущий, будто лабиринт издевался над ней. Наконец она нашла нужный. В небольшом закутке, весь в цепях, стоял Рин. Цепи обвивали его тело, впивались в кожу, но он не стонал, не кричал — только смотрел на неё с такой бесконечной нежностью, что от этого становилось ещё страшнее.

— Я люблю тебя, верь в это. Люблю, только верь. Я никогда тебя не предаю, никогда! — повторял он, и слова его звучали как заклинание, как последняя защита от всего зла

мира».

Проснувшись утром, она не находила себе места. С нетерпением ждала Рина, всматривалась в каждый шорох, в каждую тень, надеясь, что вот сейчас он появится. Но его всё не было. День подходил к концу, солнце садилось, окрашивая небо в тяжёлые, багровые тона, а он так и не пришёл. Ника долго не ложилась спать, всё ещё надеясь, что дверь откроется, и он войдёт, как всегда, с какой-нибудь нелепой историей или смешной безделушкой. Но ночь взяла верх, накрыла город тёмным покрывалом, и сон повторился.

— Рин, где же ты? — проснувшись, она была готова на что угодно, лишь бы узнать, что с ним, лишь бы услышать его голос.

Не в силах что-то придумать, Ника металась по квартире, пытаясь хоть чем-то себя занять. Из рук всё валилось: чашка выскользнула и разбилась с резким, жалобным звоном, осколки разлетелись по полу, как маленькие зеркала, в которых отражалась её растерянность. Она сломала несколько статуэток, даже не заметив, как они упали. Плакала, кричала — всё было бессмысленно, слова рассыпались в воздухе, не находя адресата.

Вечером появился Рин, как ни в чём не бывало, будто и не было этих мучительных часов ожидания.

— Где ты был? — она кинулась к нему в объятия, и в этом порыве было столько боли и облегчения, что он, казалось, должен был почувствовать её каждой клеточкой.

— Были небольшие проблемы, но не волнуйся, я их решил, — он говорил спокойно, почти буднично, как будто речь шла о забытых ключах или пролитом кофе. — Прости, но там не ловит телефон. — Рин заключил её в объятия и жадно поцеловал, будто хотел стереть из её памяти эти часы одиночества. — Уже поздно, я приду завтра, — и растаял в воздухе, оставив после себя лишь лёгкое мерцание и едва уловимый запах озона.

— Что это было? — сказала она самой себе, оглядываясь по сторонам, будто надеялась найти ответ в привычных очертаниях комнаты.

Ника немного успокоилась, решила поужинать, но еда казалась безвкусной, как пепел. На секунду ей показалось, что сквозь неё кто-то прошёл — лёгкий холодок пробежал по коже, а потом сменился едва уловимым теплом, знакомым, родным, как прикосновение любимого человека.

Утром Рин не заставил себя долго ждать.

— Ну вот, я уладил все свои дела. Чем займёмся? — он лучезарно улыбнулся, и эта улыбка была такой привычной, такой родной, что Ника на мгновение поверила, что всё хорошо.

— Не знаю, предлагай, — она пристально посмотрела на него, пытаясь разглядеть за этой улыбкой что-то ещё, что-то настоящее.

— Может, проведём этот день дома? Я соскучился, — Рин подошёл к ней вплотную, и от него пахло не озоном и ветром,

а чем-то обыденным, почти человеческим — кофе и дождём.

— Что с тобой не так? — Ника отстранилась, чувствуя, как по коже пробегает неприятный холодок, не от ветра, а от чего-то гораздо более страшного.

— Всё нормально, это всё тот же я, — он раскинул руки, показывая себя, будто приглашал её убедиться, что он настоящий.

— Ты холоден, — она отошла ещё дальше, и расстояние между ними становилось не просто физическим, а каким-то вселенским.

— Ладно, хорошо, — Аарин вальяжно пересёк комнату и сел на диван, и в этой небрежности было столько чужой, незнакомой силы, что у Ники защемило сердце. — Всё это время я притворялся. Ты должна была согласиться перейти на тёмную сторону, и ты это сделала. Теперь я могу быть сам собой. Надоело изображать влюблённого придурка, — его взгляд был пронзительно холодным, как лезвие, которое режет не кожу, а душу.

Ника не могла верить его словам. Они звучали как чужой язык, как бред, который пытаются выдать за правду.

— Это не может быть правдой, — она пыталась достучаться до него, до того Рина, которого знала. — Тебе запретили быть со мной? Ты не можешь так думать, — она вглядывалась в него, пытаясь найти хоть что-то родное, хоть искру того тепла, которое всегда жило в его глазах.

— Нет, — сухо ответил он. — Принимай меня таким, ка-

кой я есть, настоящим.

— Но это не ты! — на её глаза наворачивались слёзы, горячие, горькие, обжигающие щёки. — Ты не такой, ты добрый, нежный, заботливый.

— Хватит! — Рин резко оборвал её, и в этом крике не было ни боли, ни сожаления — только раздражение, как будто её чувства были для него назойливой мухой. — Меня сейчас стошнит.

— Уходи, я не хочу продолжать этот разговор, — собрав волю в кулак, заявила она злобно, но в этом гневе пряталась такая незащитная боль, что он должен был её увидеть.

— Ладно, уйду. А ты подумай. Ты не в первый раз злишься, — он ушёл, и тишина, которая осталась после него, была не спокойной, а звенящей, как натянутая струна, готовая лопнуть.

Она рухнула на колени и горько разрыдалась, и слёзы лились не просто из глаз, а из самой глубины души, из тех мест, куда никто никогда не заглядывал.

— Это не может быть он, — Ника говорила сама с собой, пытаясь успокоиться, цепляясь за эту мысль, как за спасательный круг. — Рин не мог меня предать. Он не такой. — Она снова ощутила едва заметное прикосновение, лёгкое, как крыло бабочки. — Кто здесь? Рин, это ты? Если не хочешь извиниться, тогда уходи.

Вытерев слёзы, она начала ходить по комнате, меряя её шагами, будто пыталась убежать от самой себя. Ей что-то

не давало покоя, но что? В голове крутились обрывки фраз, снов, прикосновений, и из них никак не складывалась цельная картина. Ника просидела всю ночь, смотря в одну точку, пока глаза не начали слезиться от напряжения. Не найдя ответа, она решила ещё раз поговорить с Рином.

— Рин. Рин! — звала она, и голос её звучал в тишине квартиры, как крик в пустой пещере.

Он не появился, хотя раньше всегда приходил, стоило ей только подумать о нём. На уровне чувств она ощущала его присутствие, как едва уловимую вибрацию воздуха, но не видела. К вечеру Рин всё же пришёл.

— Привет, успокоилась? — он был всё так же холоден, и эта холодность пробиралась под кожу, заставляя сжиматься от неприятного предчувствия.

— Немного. Скажи мне только одно: если ты играл, зачем сделал мне такой подарок? — она с нетерпением ждала ответа, цепляясь за эту деталь, как за последнюю ниточку, связывающую её с тем, прежним Рином.

Вместо ответа он просто пожал плечами. Она не отступала.

— Просто ответь: зачем?

— Для меня это был пустяк. Я дарил тебе много безделушек. Одной больше, одной меньше — какая разница?

— Уходи. Я не могу тебя таким видеть, — прошептала она, и в этом шёпоте было больше боли, чем в любом крике.

— Ну ладно, — он вдруг заговорил ласковым голосом,

подошёл и обнял её нежно, так, как обнимал раньше, и на мгновение ей показалось, что всё вернулось. — Я буду таким, как ты захочешь.

Она начала таять в его объятиях, но странное чувство не покидало её — как будто она прижималась не к живому человеку, а к прекрасно сделанной копии, в которой не хватало самой важной детали.

— Я хочу побыть одна, — Ника отошла и села на диван, подтянув к себе ноги и обняв колени, словно пыталась стать меньше, незаметнее, чтобы боль не могла её найти.

Он пожал плечами и исчез, растворившись в воздухе, как утренний туман. Она осталась одна, в комнате, залитой тусклым вечерним светом, и погрузилась в размышления.

«Последняя фраза была сказана с нежностью. Тогда что не так? Сон: „Верь в любовь, только верь!“ Тень, присутствующая дома. Одной безделушкой больше, меньше... больше, меньше... безделушкой... Безделушкой!» — слова кружились в голове, сталкиваясь и рассыпаясь, пока вдруг не сложились в одну страшную, но единственно возможную картину.

— Это не он! — она вскочила и произнесла вслух, и звук собственного голоса в пустой комнате прозвучал как приговор. — Это не он, — произнесла по буквам, пытаясь убедить себя, заставить поверить в эту правду, какой бы страшной она ни была. — С нетерпением буду ждать встречи, — пытаясь обуздать бурю эмоций, она отправилась спать, но сон

не шёл. Она ворочалась всю ночь, прислушиваясь к тишине, к каждому шороху, к каждому вздоху ветра за окном. Где же настоящий Рин? Что с ним?

Заснула Ника лишь под утро, когда первые солнечные лучи уже щекотали её лицо, обещая новый день. Комната была залита солнечным светом, и в этом свете всё казалось не таким страшным, не таким безнадежным. Ника не выпалась, но всё равно встала с постели с единственной мыслью: сегодня она узнает, где Рин и кто последние дни приходит вместо него.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.